
ТИМИРЯЗЕВСКИЙ
ИНСТИТУТ

СЕРИЯ IV

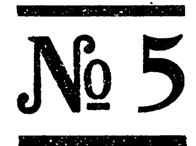
СБОРНИК № 5

ДИАЛЕКТИКА В ПРИРОДЕ

ИЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ТИМИРЯЗЕВСКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА
изучения и пропаганды естествознания с точки зрения диалектического материализма

ДИАЛЕКТИКА В ПРИРОДЕ

МЕХАНИКА НОВЕЙШЕГО ПОХОДА НА ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

МОСКВА—1929

Главлит А 43196 (Москва). Тираж 5000 экз.

Типография Полиграфтреста «Северный Печатник» (Вологда).

Правление Государственного Тимирязевского научно-исследовательского института считает необходимым указать, что взгляды, изложенные в данном сборнике, ни в коем случае не являются взглядами института. Ответственность за них несут исключительно авторы и редакторы сборника тт. А. К. Тимирязев и А. И. Варьяш.

Правление Гос. Тимирязевского Научно-Исследовательского Института.

От Отделения истории и методологии естествознания Тимирязевского научно-исследовательского института

Нижеспубликуемые материалы к философской дискуссии под общим названием «Механика новейшего похода на диалектический материализм» представляет собою первую серию, собранную Отделением. Отделение надеется в ближайшем выпустить следующую подобного же рода серию. Задача материалов—показать не столько помощью отвлеченных рассуждений, сколько на неоспоримых, говорящих за себя фактах сущность и корни похода на т. н. «механистов», т.-е. в действительности марксистов и коммунистов, последовательно защищающих диалектический материализм.

Материалы систематизированы и проредактированы тов. А. И. Степановым, которому Отделение выражает свою благодарность.

---

1. ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ ЗАРАЖАЕТ МАРКСИЗМ

Естествознание заражает марксизм...
(Д. Б. Рязанов)

Природа—пробный камень диалектики.
(Ф. Энгельс).

К. Маркс хотел посвятить «Капитал» Ч. Дарвину. Энгельс долгие годы работал над «Диалектикой природы». В. И. Ленин значительную часть «Материализма и эмпириокритицизма» посвятил вопросам естествознания. Эти факты неоспоримо доказывают, что основоположники марксизма считали естествознание наравне с обществоведением фундаментом философии марксизма, ибо существует только одна наука—история, которая подразделяется на историю природы и историю общества (К. Маркс). «Когда естествознание и история,—говорит Энгельс,—впитают в себя диалектику, лишь тогда весь философский хлам, за исключением чистого учения о мышлении, станет излишним, растворится в положительной науке».

Марксизм в области обществоведения завоевал неприступные позиции, так что ныне главный фронт марксизма — фронт естествознания. Вот почему основное обвинение, которое необходимо выдвинуть против т. н. деборинцев, то, что они оторвали философию от естествознания. Философия снова превратилась в «царицу наук», которая царствует, но не управляет. Очень ярким подтверждением этого факта является выступление т. Рязанова на Всесоюзной Конференции марксистско-ленинских научно-исследовательских институтов. По остроумному замечанию т. Милютина, т. Рязанов выступил на этой конференции против самого же т. Рязанова. Вот стенографическая запись заявления т. Рязанова по адресу естествознания:

«Тов. Деборин обвиняет меня очень часто в чересчур равнодушном отношении, в некотором даже индифферентизме, хотя в общем и основном мы стоим на одной и той же точке зрения. Это объясняется тем, что, по вполне понятным причинам, этот башмак мне не так жмет, как Абраму Моисеевичу. Но факт остается фактом, что у нас в последнее время в этой охоте на естествознание повторяется картина того, как охотник схватил медведя, а медведь его не отпускает. За последнее

время эти признаки заражения естествознания не марксизмом, а марксизма—естествознанием все больше и больше усиливаются». Дальше: «Естествознание—великое дело. От него пахнет миллионами и миллиардами, но в области научного исследования, в области марксоведения естествознанию должно быть отведено определенное место. И это нам надо подчеркнуть. Должен сказать, что эта зараза марксизма естествознанием чувствуется уже всюду». «Таким образом, товарищи, эта зараза чувствуется. Я чувствую эту заразу, когда я читаю некоторые из этих философских статей. Они переносят меня в доброе старое время, в 80-е и 90-е годы,—к более ранним временам моя сознательная жизнь не доходит, но если я беру литературный источник, то я переношусь в 70-е годы,—когда свирепствовало это желание оплодотворить марксизм всем, чем угодно».

Прямо бросается в глаза отсутствие какой-либо логики в утверждениях Рязанова. Прежде всего: каким образом можно столь метафизически противопоставлять марксизм естествознанию? По Рязанову выходит, что марксизм—это одно, а естествознание—нечто совершенно другое, так что марксизм должен поставить естествознание на какое-то место (вне марксизма, что ли?), ибо в противном случае марксизму угрожает зараза.

Далее, если какие-то, известные пока что одному лишь т. Рязанову, марксисты плохо применяют диалектику и стремятся все мировые процессы вывести из «слюнных желез собаки», то при чем тут естествознание? На основании какой логики делаются подобного рода заключения? Нельзя же в самом деле вменять в вину естествознанию теоретическое невежество каких-то лиц, именующих себя марксистами, и на этом основании бросить лозунг: естествознание—вот чума!

Тов. Рязанов заявил решительный протест против новой легенды, которую хотят распространить о том, что он говорил: подальше от естествознания! Но Рязанов—марксист, Рязанов № 1 прекрасно должен понимать, что спичка—очень полезная вещь, ею можно закурить, например, папиросу, но, поднесенная к бочке с порохом, она становится чрезвычайно опасной.

Трудно, конечно, вообразить, чтобы ныне нашелся здравомыслящий человек, который выступил бы против естествознания в о о б щ е, который заявил бы: подальше от естествознания в о о б щ е. Никто, разумеется, не приписывает таких вещей Рязанову, но что в современных условиях выступление Рязанова № 2

объективно было определенным актом, направленным против завоевания марксизмом естествознания, — это поймет всякий марксист. Тов. Рязанов получил поэтому заслуженный отпор от ряда участников конференции. В своем заключительном слове т. Милютин в следующих словах резюмировал впечатление, произведенное речью т. Рязанова:

«Товарищи, я должен сказать прежде всего, что по принципиальным основам, выставленным в моем докладе, относительно плана работ, возражений по существу не было за исключением двух вопросов, на которых мне придется остановиться. Это—на вопросе о естествознании, по которому высказался т. Рязанов, и второе—на вопросе, который поднял т. Гоникман, относительно постановки у нас проблем в области философии. Это два вопроса, по которым необходимо с принципиальной точки зрения сделать вполне определенное разъяснение.

Я думаю, что т. Рязанов в пылу спора возражал против самого себя, как Рязанова-марксиста, как Рязанова-редактора работ Энгельса, работ Маркса, особенно тех вновь изданных сочинений Маркса и Энгельса, которые появились на свет благодаря изысканиям, сделанным т. Рязановым. Я думаю, что т. Рязанов в этом отношении просто увлекся.

Тов. Рязанов. Не увлекся, а повторяю все дословно, что сказал раньше.

Тов. Милютин. Тем хуже будет для т. Рязанова, ибо т. Рязанов сказал нехорошо, совсем плохо, потому что фактически он выступил против работы марксистов в области естествознания. Только так его можно понять.

С места. Нет, вы неправильно поняли его.

Тов. Милютин. Можно только так понять, что он выступил против марксизма в области естествознания.

С места. Вы не поняли его.

Тов. Милютин. Я думаю, что здесь, как-раз наоборот, мы поняли его, но, может быть, т. Рязанов просто неясно сформулировал свою мысль; если это так, то он с этой кафедры должен это разъяснить, ибо его настоящая позиция в основе неправильна и антимарксистская, а для настоящего момента она была бы даже вредна для нас, потому что сейчас вопрос естествознания для нас приобретает величайшее значение. В эпоху строительства социализма проблемы точных наук для нас имеют огромное значение. И вот здесь, когда т. Рязанов

выступает так, что говорит: ах, естествознание заразит марксизм, поэтому держитесь подальше от естествознания!—то это совершенно неправильная постановка. Таких марксистов, которые не могут итти в гущу жизни, в гущу борьбы, в гущу строительства, нам не нужно. Пускай сидят они в своих кабинетах, музеях, архивах и т. д., но, если они не умеют бороться в области идеологии и в области практики, они нам ненужны.

Так что мне кажется, что в настоящий момент эта позиция т. Рязанова, если он от нее не откажется, в корне неправильна.

Тов. Рязанов. Я этой позиции не отрицаю.

Тов. Милютин. Это просто словесность у вас, т. Рязанов. Очень часто Рязанов спорит с Рязановым же. Он разбивает Рязанова в отдельные моменты с таким же грохотанием, с каким он вообще всегда выступает. В данном случае, в этом вопросе он абсолютно неправ, и Комакадемия в этом вопросе на его точку зрения, конечно, не станет.

Тов. Рязанов. Очень плохо.

Тов. Милютин. Мы будем развивать эту работу, будем организовывать около себя марксистов-работников естествознания, будем ставить научно-исследовательские институты, развивать их в стенах Комакадемии, в стенах же Комакадемии будем развивать теоретическую работу в области прикладных наук. У т. Рязанова по существу происходит смешение двух вещей. У него одно противоречит другому. С одной стороны, он требует создания научно-исследовательских институтов, специально марксистских теоретических институтов, а, с другой стороны, он старается их отбросить, разбить. Он хочет отмежевать прикладные науки. Он как бы не признает практического значения этих наук. Конечно, товарищи, одно дело— прикладные институты НТУ, и совсем другое дело—те институты, которые будут создаваться вокруг Комакадемии.

Между тем, т. Рязанов дешевым остроумием (которое нам, откровенно говоря, уже всем надоело) отмахнулся от всех основных задач, которые стоят перед нами в этой области. Это является совершенно неправильным.

С места. Правильным.

Тов. Милютин. Мы будем эту область работы всячески развивать. Я уже не говорю о достаточно надоевшем нам дешевом остроумии т. Рязанова в отношении «собачьего института».

Мы включили в этот институт по изучению высшей нервной деятельности целый ряд серьезных товарищей, а т. Рязанов над этой работой посмеивается. Я должен сказать, что это является недостойным т. Рязанова, так что мне приходится Рязанова защищать против Рязанова же, когда он выступает вот так, в качестве полемиста. Слово т. Рязанова очень ценно, из него сплошь и рядом можно сделать очень ценные выводы, но когда он бросает такие фразы, увлекаясь своим острословием, не остроумием, а острословием, то получается в корне неправильная трактовка. Мне кажется, правы т. Покровский и др., когда они выступали в этом вопросе против т. Рязанова. Нам нужно в этой области создавать своих работников, своих теоретиков, и такая работа до сих пор не велась, таких специалистов, своих теоретиков, у нас очень мало. Иногда против острословия бывает очень трудно устоять. Иногда это острословие может разрушительно подействовать, когда дело молодое, слабое. Это острословие принесло уже вред нашему делу. Но, когда дело выросло, нам это острословие не страшно. Далее, мы имеем общества биологов, математиков, здесь организованные. Пусть Рязанов, как хочет, называет болтологией или еще как, но люди стремятся между собой поделиться опытом, поделиться знаниями. Я потом покажу, что т. Рязанов не понимает организационной структуры научной работы здесь у нас. Когда он будет читать доклад об Институте Маркса и Энгельса, мы тогда поговорим об его организационной структуре, о результатах этой работы».

Эти слова т. Милютина являются лучшим подтверждением нашего тезиса. Тов. Милютин не только не является «механистом», но, наоборот, если не ошибаемся, скорее сторонником Деборина, но таким, который не заражен фракционным бешенством и который, подобно многим марксистам, не успел еще как следует разобраться в споре.

Если т. Милютин вынужден признать, что единомышленник т. Деборина—т. Рязанов действительно бросил лозунг о заразе марксизма естествознанием, то это является драгоценным свидетельством опасного уклона, который наметился в группе марксистов, возглавляемых Дебориным.

Объективно этот уклон поддерживает те силы, которые ныне воюют против материализма и марксизма. Это мы постараемся подробно доказать в дальнейшем.

2. ДЕБОРИНЦЫ И КЛАССОВАЯ БОРЬБА В НАУКЕ

> «Русские физики имеют здоровые идейные тенденции; не имея нарочито сознательной научной реакционности, они следуют давнишним материалистическим традициям, отмеченным в России в свое время Лениным».
>
> («Под знам. маркс.», № 1, 1927 г.).

В 1927 г. на страницах журнала «Под знаменем марксизма» появились два критика—тт. Б. Гессен и В. Егоршин, которые с необычайной легкостью в мыслях и развязностью, но вместе с тем страстно и ожесточенно набросились на ряд старых сотрудников журнала, обвиняя их в зловредном «механизме» и прочих смертных грехах.

В течение нескольких лет эти «механисты» принимали самое активное участие в журнале, — ныне новоявленное критическое святое семейство краснеет за них. Они краснеют за всех марксистов - естественников, заклейменных ими самими кличкой «механисты». Особенно стыдно им перед «чужими людьми», перед профессорскими и академическими мундирами. «Механисты» своими работами дискредитируют марксизм, мы краснеем за них!—неустанно вопят Б. Гессен и В. Егоршин.

Эти вопли носят столь очевидный характер пошленького фарса, что на них не стоило бы обращать внимания, если бы не одно обстоятельство. То именно, что ареной своих критических подвигов наши критики избрали марксизм в естествознании.

Естественно-научный фронт—ныне один из важнейших идеологических фронтов марксизма. Почти изгнанные из области общественных наук (в СССР, разумеется), реакционные идеалистические силы сосредоточились и укрепились в области наук естественных. Между тем силы марксистов в последней области еще очень невелики сравнительно с силами всемирно-организованной черно-белой и желто-розовой идеалистической рати. Когда марксист-естественник или просто материалист делает научную работу, он может рассчитывать лишь на враждебное отношение со стороны официальных и господствующих представителей науки. Самоубийство Каммерера — яркая тому иллюстрация.

Большой поддержкой в его тяжелой борьбе и работе может служить марксисту - естественнику лишь сочувствие широких кругов марксистов-общественников. Не обладая необходимыми

специальными познаниями, марксисты-общественники не в состоянии оценить как следует ту или иную естественно-научную работу и волей-неволей вынуждены считаться с мнением лиц, враждебных в своем подавляющем большинстве марксизму.

В таких тяжелых условиях наши критики, не обладая ни знанием, ни авторитетом, берут на себя смелость дискредитации работ марксистов-естественников.[1]

Дискредитируя перед широкими марксистскими читательскими массами работы марксистов-естественников, работы, в которых эти массы пока самостоятельно разобраться не могут, Егоршин и Гессен проявляют зато голубиную нежность к представителям немарксистского и даже нематериалистического лагеря.[2]

В статье «Пятый Съезд русских физиков» («Под знам. маркс.», № 1, 1927 г.) они доходят до неслыханного для всякого марксиста утверждения: «русские физики (какие? где классовый анализ?) имеют здоровые идейные тенденции; не имея нарочито сознательной научной реакционности, они следуют давнишним материалистическим традициям, отмеченным в России в свое время Лениным».

Эта ссылка на В. И. Ленина очень удачна и своевременна, ибо всем известно, каким образом Ленин отметил «давнишние материалистические традиции» и «отсутствие нарочито сознательной научной реакционности» бесклассовых «русских физиков», о которых говорят Егоршин и Гессен.

1. На стр. 356 «Материализма и эмпириокритицизма» Ленин отмечает «русского физика» Хвольсона, который «нарочито направился в Германию», чтобы издать там подлую черносотенную брошюрку против Геккеля и заверить почтеннейших господ филистеров в том, что не все естествознание стоит теперь на точке зрения наивного реализма».

---

[1] См. «Под зн. маркс.», № 2—3, 1927 г., а также «Вестник Коммунист. Акад.», № 27, на страницах которых Егоршин и Гессен неслыханным образом разделываются со сборниками «Диалектика в природе».

[2] См. «Под зн. маркс.», № 1, 1927 г.: «V Съезд русских физиков»; № 2—3: «Об отношении т. Тимирязева к современной науке»,—статьи Егоршина и Гессена; см. также «Под зн. маркс.», № 5, 1927 г., Я. Шатуновский: «Первый математический съезд». Для органа воинствующего материализма статьи Егоршина, Гессена и Шатуновского являются прямо скандальными, так как суть этих статей—в замазывании классовой борьбы в науке, в оппортунистической, примирительной тенденции по отношению к представителям ученой реакции, «ученому кулачеству».

Этот же «русский физик» недавно выпустил в Германии новое издание своей брошюры «Вера и знание» под названием «Бог и физика». Даже немецкие критики отнеслись к этому «писанию» недоброжелательно. Но зато Хвольсон, будучи в чисто научном отношении величиной второго порядка (он главным образом талантливый систематик и пропагандист кантианства в физике), избирается в почетные академики и почетные председатели Съезда русских физиков.

Между тем Егоршин и Гессен «осмеливаются» высказать пожелание, «чтобы наши научные съезды взяли на себя задачу проработки широкими группами научных работников важнейших проблем марксистской методологии, которые ставят на очередь развитие точного естествознания».

Пожелание, действительно, очень смелое!

Прямо-таки блестящее пожелание! Но благими пожеланиями, как известно, ад вымощен. А пока... пока Егоршин и Гессен занимаются уничтожением «механистов», т.-е. в действительности марксистов-естественников, активно разрабатывающих проблему марксизма в естествознании.

2. Специальный раздел (7-й) главы 5-й посвящен русскому физику-идеалисту Шишкину и его покровителю—философскому черносотенцу Лопатину.

Вот что пишет Ленин:

«В силу некоторых легальных условий моей работы я почти совсем не мог познакомиться с русской литературой по разбираемому вопросу. Ограничусь только изложением очень важной для моей темы статьи нашего известного философского черносотенца г. Лопатина: «Физик-идеалист», помещенной в «Вопросах философии и психологии» за прошлый год (1907 г., сент.—окт.). Истинно-русский философский идеалист, г. Лопатин относится к современным европейским идеалистам примерно так же, как Союз русского народа—к западным реакционным партиям.

Статья г. Лопатина есть, как французы говорят, éloge, похвальное слово покойному русскому физику Н. И. Шишкину (ум. в 1906 г.). Г-на Лопатина прельстило то, что этот образованный человек, очень интересовавшийся Герцем и новой физикой вообще, был не только правым кадетом, но и глубоко-верующим человеком, поклонником философии В. Соловьева

и пр. и т. п. Однако, несмотря на свое преимущественное «устремление» в пограничную область философского и полицейского, г. Лопатин сумел дать кой-какие материалы и для характеристики гносеологических взглядов физика-идеалиста».

«У Н. И. Шишкина,—цитирует В. И. Ленин Лопатина, — совсем не было предвзятого догматизма. Он—убежденный поборник механического объяснения, но для него оно — только метод исследования»... Гм... Знакомые напевы! «Он вовсе не думал, что механическая теория раскрывает самую сущность изучаемых феноменов, он видел в ней только наиболее удобный и плодотворный способ их объединения и обоснования в целях науки. Поэтому для него механическое понимание природы и материалистическое воззрение на нее далеко не совпадают между собою».

«Совершенно как у авторов «Очерков» по «философии марксизма»!—замечает В. И. Ленин, и как у наших «диалектиков», прибавим мы.

Итак, истинно-русский философский черносотенец г. Лопатин все же сумел отыскать в насыщенной по Гессену и Егоршину материалистическими традициями романовской России по крайней мере одного «физика-идеалиста», да сверх того правого кадета и верующего человека.

Очевидно в воздаяние таких заслуг Московское Математическое Общество на заседании от 18/X—1911 г. (см. протоколы Общества) постановило:

«поручить Н. Е. Жуковскому и Б. К. Млодзеевскому принести от имени Математического Общества приветствие Л. М. Лопатину в день празднования юбилея его ученой деятельности», а на заседании от 15 ноября 1911 г.—«включить в депутацию Л. М. Лопатину К. А. Андреева, приветствие принести в форме адреса, составление которого поручить Б. К. Млодзеевскому».

Вот еще один факт того же порядка. В 1908 году состоялось заседание Моск. Математического Общества, посвященное памяти математика В. Я. Цингера, одного из основателей Об-ва и бывшего его президента. Речи, произнесенные на этом заседании, напечатаны в 28-м томе «Математического сборника» за 1911 год. В речи К. А. Андреева приведен между прочим

адрес, преподнесенный Московским Университетом Цингеру в 1898 году. В этом адресе говорится следующее: «Ваши статьи и речи по многим вопросам из области философии и ее отношения к математике, в которых Вы выступили убежденным противником материалистического направления в философии, не остались без влияния на движение философской мысли в русском обществе». Лопатин, характеризуя философскую деятельность В. Я. Цингера, подчеркивает в своей речи, что «в борьбу В. Я. Цинцера с крайностями эмпирического взгляда (читай «материализмом») вносится моральный и даже религиозный мотив: В. Я. Цингер настаивает, что эмпиризм унижает достоинство человека, что он делает его рабом материи».

Мы приведем в дальнейшем ряд аналогичных документов, касающихся послеоктябрьского периода. Пока же отметим, что сам В. Егоршин, спохватившись, что зашел слишком далеко, опубликовал в девятом номере журнала статью «Естествознание и буржуазная философия», в которой документально опровергает то, что утверждал в номере первом.

Этот факт выдает наших критиков с головой. Он доказывает, что они являются просто путаниками, не продумывающими как следует того, что высказывают. Люди, воззрения которых столь зависят от погоды (в феврале утверждают одно, а в сентябре—как раз обратное), не могут иметь ни твердых принципов, ни продуманных взглядов. Они вечно колеблются и шатаются, подвергаясь всевозможным влияниям. Получается в итоге нищенская эклектическая похлебка и даже прямой переход в антиматериалистический лагерь.

С тем бо́льшим зато ожесточением атакуют деборинцы марксистов-естественников. Церемониться и нежничать необходимо с надклассовыми «русскими физиками», с «механистами» же (т.-е. в действительности учеными коммунистами и марксистами) церемониться нечего. По отношению к ним все дозволено.

В «Под знаменем марксизма» (№ 4, 1928 года) Н. Карев разъясняет, например, что «механисты» 1) представляют собою «коллекцию умственно и морально дефективных профессоров и журналистов» (стр. 5); что 2) они—группа ослов (стр. 15); что 3) они «от механического материализма начинают переходить к механистическому махизму» (стр. 26); что 4) «они являются путаниками в марксизме, отражающими давление некоторых

антимарксистских сил»; что 5) они «независимо от своей воли диктатуру марксизма стремятся превратить в дискуссионную проблему» (стр. 28); наконец, 6) что их «нужно бить беспощадно, и они должны быть разбиты» (стр. 29).

Казалось бы, такого рода обвинения и угрозы нуждаются в весьма серьезных доказательствах и аргументах. Но Кареву наплевать на всякие доказательства и аргументы. Он сам себя произвел в великого диалектика, знатока и авторитета марксизма, не дав тому никаких доказательств за исключением путаной статейки о Гегеле, за которую ему поделом досталось на страницах «Правды». С тем бо́льшим апломбом и развязностью он пишет свое сенатское разъяснение.

Карев заявляет прежде всего в начале своей статьи, что «специальная естественно-научная часть сборника «Диалектика в природе» № 3 за исключением двух статей Гумбеля, имеющих очень далекое отношение к диалектике, мягко выражаясь, более чем элементарна». Кроме статей Гумбеля, в сборнике имеются специальные статьи Перова («Диалектика в дисперсной химии»), Харазова («Методология математических наук») и Цейтлина («Вихревая теория электромагнитного движения»). Мы спрашиваем: откуда Карев знает, что перечисленные статьи за исключением статьи Гумбеля более чем элементарны? Далее, почему статьи Гумбеля имеют очень далекое отношение к диалектике? Ведь все это специальные статьи по математике, физике и химии. Чтобы иметь возможность как следует судить о них, необходимо быть специалистом-математиком, физиком или химиком. Но Карев в этом не нуждается,—он ведь пишет сенатское разъяснение. Почему же он все-таки выделяет в научном отношении статьи Гумбеля? Очень просто: Кареву известно, что Гумбель—немецкий доцент, а почтение к немецким доцентам для Карева обязательно. Н. Карев не имеет никакого понятия о содержании статей Гумбеля. Они слишком специальны даже для многих математиков, но он почтительно припадает к фалдам доцентского мундира. Зато зловредные «механисты»—Степанов, Аксельрод, Тимирязев, Сарабьянов, Варьяш, Перов, Цейтлин, Васильев, Орлов и так далее—это с точки зрени Карева коллекция умственно и морально дефективных профессоров и журналистов, симптомы гнилостных процессов переходного времени. С «законной тревогой» Карев спрашивает: что же дальше? «Не слишком ли много свободы получают

гнилостные процессы? Куда устремляются они, что именно несут они собой, как их изолировать и обезвредить?» Мы в дальнейшем дадим вразумительный ответ на вопросы Карева, сейчас же остановимся на более откровенном и характерном сенатском разъяснении Егоршина.

Если Н. Карев в своем сенатском разъяснении соблюдает еще кое-какие приличия, то известный уже нам Егоршин окончательно сбрасывает фиговый листок и появляется перед публикой в своем натурально-синтетическом виде. Рецензия Егоршина на третий сборник «Диалектики в природе» (см. «В.К.А». № 27, 1928 г.)—это настоящая критика помощью солдатского сапога. Егоршин вне себя от бешенства и хочет раздавить презренных «вологодских» диалектиков своими критическими сапогами. Мы уже указывали, что он в статье «Пятый Съезд русских физиков» провозгласил надклассовую природу и материалистические традиции «русских физиков»; затем он подробно опроверг самого себя. Ныне он снова обращается к надклассовым силам. Сознавая, что ему и его единомышленникам не расправиться собственными силами с «механистами», Егоршин призывает к интервенции: «для специалистов беспартийных ученых не годится весь сборник в целом, так как уважающий себя ученый не будет читать тех бессвязных заклинаний, которыми изобилуют эти вологодские сборники. Мне думается, этим только объясняется отсутствие откликов на эти сборники в нашей специальной литературе, хотя перед лицом широкой читательской массы объективное научное разоблачение наших вологодских оракулов было бы крайне желательно». Очень хорошо, почтенный критический сапог! Мы Вам за Ваши откровенные речи воздвигнем нерукотворный памятник из вологодского масла! Пусть же отныне все запомнят, что Егоршин призывает к интервенции против коммунистов и марксистов-естественников, «беспартийных» и «уважающих себя» ученых, которые, согласно сенатскому разъяснению Егоршина и Гессена, стоят над классами и пропитаны крепкими материалистическими традициями.

В дальнейшем мы подробно поговорим о тех кадрах, на которые могут рассчитывать наши идеологи интервенции для создания интервенционной армии против «механистов». Пока же займемся неприятным делом выуживания из необъятного моря егоршинских ругательств интимного смысла сенатской

философии. В первую очередь приведем один несколько длинный, но зато в высшей степени характерный для этой философии отрывок. Егоршин пишет: «Совершенно ясно, что если признание реальности внешнего мира является необходимым условием материализма, то оно не является еще достаточным условием, не говоря уже о том, что оно совершенно не затрагивает вопроса о диалектике. Наоборот, о физиках-махистах Ленин писал там же, что они правы, критикуя механическое понимание природы. Они только неправы, когда отрицают реальность внешнего мира. Цитируя Сталло, где последний критикует механическую точку зрения, Ленин прибавляет: «это верно, если вы не отрекаетесь от признания объективной реальности» (стр. 316, 20 г.). О Сталло и Дюгеме Ленин говорил, что они «колеблются в сущности между идеализмом и диалектическим материализмом». В чем у них идеализм? В непризнании объективной реальности. В чем они близки к диалектическому материализму? Говоря словами Владимира Ильича, — в признании ограниченности механического понимания, в настаивании на относительности всех научных теорий (там же). О самом Махе Ленин пишет, что «в целом ряде мест он вплотную подходит к диалектическому материализму». О механистах же Ленин говорит не более как о стихийных материалистах. А. К. Тимирязев, конечно, выйдет из себя, когда прочтет эти незамеченные им строки Ленина. Но всякий не вывихнувшийся человек должен понимать то, что совершенно недвусмысленно дает понять Ленин, а именно: диалектический материализм должен признавать объективный материальный мир как единственную субстанцию, но должен отказаться от механической точки зрения. Механизм или не механизм — это методологический, а не теоретико-познавательный вопрос: последний может решаться в любом духе как механистом, так и не механистом. Поэтому и тот и другой могут быть в гносеологии (в этом «возвышеннейшем вопросе всей «философии», как писал Энгельс) как материалистом, так и идеалистом».

Мы покажем в дальнейшем на многих примерах, что у всех наших сенаторов один и тот же прием для извращения марксизма и протаскивания идеализма: они отделяют методологию от гносеологии и онтологии. С точки зрения наших великих диалектиков, гносеология и онтология

не имеют никакого значения для методологии и наоборот. Например, гносеологически и онтологически вы можете признавать бытие господа бога и отрицать объективность материи, но методологически все же быть подлинным диалектиком; наоборот, методологически вы можете быть махистом и позитивистом, но гносеологически и онтологически признавать вечное и объективное бытие материи и движения. Словом, как моя левая нога хочет («в любом духе»), так и решаются философские вопросы. Наши сверхдиалектики отрицают коренное различие и противоположность материалистического и идеалистического методов. Вопреки Марксу, который ясно и недвусмысленно подчеркнул, что его метод прямо и в корне противоположен гегелевскому, они полагают, что нет никакой разницы между материалистической и идеалистической диалектикой. Для них метод Гегеля, гегелевская диалектика — это диалектика марксизма; отвергается лишь идеалистическая система Гегеля (онтология!). Егоршин, как мы видели, делает еще один шаг вперед: он заявляет, ссылаясь на Ленина, что метод Маха, Дюгема, Сталло и других эмпириокритиков и есть метод диалектического материализма. Махизм и диалектический материализм отличаются мол друг от друга не методологически, а лишь гносеологически: махизм отрицает объективный материальный мир, утверждаемый диалектическим материализмом. Ели верить Егоршину, Ленин был в философии великим эклектиком: в п р и н ц и п е он признавал м а х и с т с к у ю методологию, а н а д е л е с ней воевал. Егоршины творят Ленина по своему образу и подобию. Они действительно в принципе признают материю, а на деле с ней воюют. В э т о м и м е н н о в с я с у т ь д е б о р и н с к о й ш к о л ы. Субъективные идеалисты теоретически отрицают бытие материи, но практически его признают; деборинцы, наоборот, теоретически признают объективную реальность материи, но практически отрицают эту реальность. Материя у деборинцев играет роль почтенной престарелой тетушки в салоне фрейлины Аннет Шерер (в толстовском «Войне и мире»); всякий посетитель салона считает долгом любезно раскланяться и даже поговорить несколько минут со старой тетушкой, но для жизни она является лишь живым трупом. Живой труп — вот что такое деборинская материя. Деборинцы не делают из материи никакого употребления, она у них служит лишь иконой в доме ханжи и фиговым листком для прикрытия махистской, гегельянской и прочей

методологической наготы. Вот почему в многочисленных писаниях сверхдиалектиков можно найти все, что угодно, кроме подлинного материализма. На деле они с материализмом воюют и бешено ругают все, от чего пахнет материализмом и материалистической диалектикой.

Вот, например, перед нами продукт «диалектического» творчества Егоршина «Современное учение о строении материи». После той отчаянной саморекламы, которой целый год занимался Егоршин, можно было ожидать, что в своей книжке он, наконец, поведает миру о том, что есть настоящая диалектика и марксизм в естествознании. Оказывается, что горе-диалектик Егоршин, впротивовес механистам, дает самое обычное, пошленькое и никчемное переложение того, что можно встретить в бесчисленных книжонках буржуазных популяризаторов. «Марксист» Егоршин вышвыривает вон всю историю развития учения о материи, как-будто до Бора-Зоммерфельда в физике царила абсолютная пустота, как-будто современное учение о строении материи не имеет никакого отношения к тому, что целых четыре столетия делали ученые и философы. Вот почему для Егоршина протон и электрон—это не частицы вещества, обладающие электрическими зарядами, т.-е. связанные определенными процессами движения в эфире, а «голые заряды» в «пустоте», сущность которых—в «силах» притяжения и отталкивания. Таким образом Егоршин (с благословения А. Деборина и махиста И. Тамма) выдает за диалектику те пресловутые «силы в пустоте», в которых, согласно указанию В. И. Ленина, Герман Коген усматривал торжество идеализма — превращение материи в силу. Изгнав из физики «тонкую материю»—эфир (такая материя, по мнению Егоршина, есть лишь «предположение», которое нельзя выдавать за истину», стр. 141) и утвердив силы в пустоте в качестве непреложных истин, наш диалектик провозглашает венцом диалектической мудрости в физике следующее положение». Крайне знаменательным, далее, является тот факт, что кирпичами материи являются не одинаковые, все тождественные шарики, а именно—два вида противоположного электричества. Эти два электричества—положительное и отрицательное—совершенно противоположны, но они как-раз благодаря своей противоположности и образуют то единство, ту целостность, которую мы называем материей». Таковы диалектической учености плоды.

Позволительно, однако, спросить у нашего «диалектика», почему протон и электрон совершенно противоположны? Не потому ли, что их назвали положительным и отрицательным электричеством? Ведь совершенно противоположные вещи должны хоть чуточку исключать друг друга, т.-е. отталкиваться, а протон и электрон — притягиваются. Согласно диалектике Егоршина, земля и камень также совершенно противоположны, ибо всем известно, что земля притягивает камни подобно тому, как протоны притягивают электроны. Почему же все-таки притягивающиеся протоны и электроны совершенно противоположны? На этот вполне законный и необходимый вопрос наш «диалектик» не дает ответа и дать не может. Ибо тот, кто пренебрегает всей историей физики, кто игнорирует фундамент, на котором выросло все здание современной электромагнитной теории материи, может дать лишь жалкую каррикатуру на материалистическую диалектику. Такой каррикатурой и является книжка Егоршина — «Современное учение о строении материи». Из вышеизложенного ясно, что «голые заряды», «силы» и «пустота» не случайны у Егоршина, а имеют своим основанием махистскую методологическую установку, сторонником которой совершенно откровенно объявил себя наш критик.

Другим превосходным образцом «диалектического» творчества наших стыдливых критиков является книжка Б. Гессена — «Основные идеи теории относительности». Если в книжке Егоршина А. Деборин благословляет «голые заряды», «пустоту» и «силы», то в книжке Гессена тот же Деборин дает свое благословение как раз обратному—отрицанию голых зарядов, пустоты и сил, что, разумеется, гораздо лучше, но весьма характерно для деборинской эклектики.

Не имея возможности подробно разбирать работу Гессена, заметим лишь вкратце следующее:

Гессен вкупе с Егоршиным постоянно вопит о невежестве «механистов» в области марксизма. Оказывается, что Гессен не имеет никакого понятия о важнейшей составной части марксовой диалектики, именно о марксовой теории абстракции. Это приводит Гессена к грубейшим ошибкам и антидиалектическим утверждениям. Гессен утверждает, например (стр. 14), что не только абсолютный покой, но и абсолютное движение — пустая абстракция, лишенная содержания

и смысла. Все диалектики до сих пор думали, что основным принципом диалектики является именно абсолютное движение (движение в диалектике — категория сугубо историческая и, следовательно, абсолютная!), но что абсолютного покоя не существует.

«Диалектик» Гессен не в состоянии понять, что из того, что абсолютное движение (т.-е. движение как таковое) является абстракцией конкретного движения, которое одновременно абсолютно и относительно, еще не следует, что абсолютное движение—«пустая абстракция», лишенная смысла и содержания. Точно так же «пустыми абстракциями» оказываются у Гессена абсолютные пространство и время, т.-е. пространство как таковое и время как таковое.

В. И. Ленин, цитируя Базарова, который писал: «многие отдельные взгляды Энгельса, например, его представление о «чистом» пространстве и времени, теперь уже устарели», замечает: «Ну, еще бы! Взгляды материалиста Энгельса устарели, а взгляды идеалиста Пирсона и путаного идеалиста Маха суть самые новейшие!» (стр. 184 «М. и Э.»).

Действительно, всякий мало-мальски знакомый с марксовой методологией поймет это замечание В. И. Ленина и смысл защиты Энгельсом в «Анти-Дюринге»—«чистых» пространства и времени (см. стр. 46 изд. 1918 г.).

Но «диалектик» Гессен не понимает, почему Ленин противопоставлял идеалистическим взглядам Маха материалистические взгляды Ньютона на пространство и время как таковые и полагает, что неразрывная связь материи с пространством и временем превращает «чистые» пространство, время и движение в «пустые», лишенные содержания и смысла, абстракции! Согласно Гессену выходит, что крупнейшие философы и ученые, занимавшиеся в течение двух тысяч лет абсолютными пространством, временем и движением, занимались «пустяками», лишенными смысла и значения, что вся история философии и науки наполнена сугубой бессмыслицей! И этот человек берется еще поучать других марксизму! Зрелище действительно достойное богов!

Самым комичным в книжке Гессена является то, что диалектик Гессен не может или не хочет понять, что кривизна—понятие сугубо относительное. Желая выяснить основную идею

общей теории относительности, Гессен говорит, что четырехмерный мир Минковского искривлен. Но в чем, чорт возьми, искривлен этот мир? Не в пятом ли измерении? Этот вопрос Гессен обходит гробовым молчанием. Между тем, истолкование понятия кривизны общей теории относительности имеет фундаментальное значение для истолкования теории. Ученые попы и спириты считают понятие кривизны реальным и отсюда выводят конечность вселенной и реальность пятого измерения, куда помещают своих духов, ангелов, чертей, рай, ад и т. д.; махисты истолковывают кривизну общей теории относительности как удобный инструмент «чистого» описания; материалисты рассматривают ее как математическую фикцию, скрывающую совокупность реальных движений в трехмерном пространстве. Что же думает по этому поводу Гессен? Об этом ведает лишь он сам и господь бог, ибо Гессен исключает из рассмотрения космологию Эйнштейна, в которой утверждается конечность вселенной, и бормочет что-то невнятное насчет недоделанности теории.

Это умолчание весьма характерно для нашего механоборца. Всякий, кто даст себе труд ознакомиться с работой Гессена, тотчас же с несомненностью убедится, что Гессен по существу опирается на методологию Маха, которую Егоршин объявил диалектико-материалистической. Но махистская методология требует вполне определенной трактовки проблем, на которую не всегда имеет смелость решиться Гессен. Протаскивая где можно махизм, он в некоторых щекотливых случаях (например, по вопросу о кривизне) набирает воды в рот, опасаясь слишком очевидно явить миру наготу своего махистского метода.

В заключение отметим два факта, которые очень ярко и наглядно показывают, к каким приемам прибегают деборинцы, чтобы сокрушить ненавистных им «механистов». Первый факт таков:

В 1924 году т. Цейтлин написал книгу «Наука и гипотеза», в которой на основе громадного фактического материала неопровержимо доказал наличие классовой идеологии и давления классовых сил в так называемых точных науках. В ту пору вопрос этот живо интересовал широкие общественные марксистские круги, о нем спорили на страницах журналов, в М. К. и других местах. Книга была послана издательством «Красная новь» на отзыв товарищам Максимову и Тимирязеву. Вот отзыв этих товарищей:

Копия.

«Оставляю Вам рукопись т. Цейтлина. Я ее значительную часть прочел. Работа очень ценная. К сожалению, по моему мнению, он не доработал ее—анализу социальных отношений уделяет места слишком мало по сравнению в конце концов с моментами менее существенными—личными отношениями Бентли-Котса—Ньютона и пр. Последовательность расположения материала мне не понятна. Не со всеми положениями т. Цейтлина можно согласиться...».

Максимов.

«Присоединяюсь к мнению т. Максимова.

Взять на себя редактирование не могу. В общем работа содержит очень интересные исторические справки, но далеко не со всеми выводами автора я могу согласиться; по этой причине мне трудно будет даже написать предисловие».

30/VII—24 г. *Тимирязев.*

Верно: (подпись).

На основании этих отзывов (и дополнительного отзыва А. Деборина) книга получила премию Главнауки (1925 г.) и была напечатана ГИЗом в 1926 г. Нельзя особенно жаловаться на успех этой книги, по крайней мере среди присяжных деборинских критиков. Отмечая и расхваливая самые никчемные компилятивные работы, присяжные деборинские критики хранят гробовое молчание о работе, в которой дается классовый марксистский анализ одной из важнейших глав в истории точных наук. ГИЗ не сочло нужным дать объявление об этой книге в газетах, рекламируя в юбилейные ньютоновы дни («Наука и гипотеза» посвящена истории искажения ньютоновых «Начал») реакционные писания Фредериксов и Вавиловых, продолжающих работу теолога Бентли по фальсификации физики Ньютона.

Более того, в юбилейном номере журнала «Под знаменем марксизма» (№ 4, 1927 г.), в котором печаталась в 1925 году (№№ 1, 2, 3) основная часть работы, редакция поместила следующее примечание впереди текста статьи т. Тимирязева—«Прошлые и современные искажения Ньютона»:

От редакции:

Редакция не разделяет положений т. А. К. Тимирязева, высказываемых в его статье и опирающихся на немарксистское «исследование» З. А. Цейтлина «Гипотеза и наука», где

метод Маркса и Энгельса принижается до механического—метафизического метода Декарта и Ньютона, и где дается вообще неправильный исторический анализ роли Ньютона в науке и философии («Под знам. маркс.», № 4, 1927 г., стр. 186).

Кроме того, А. Максимов в своей статье «Ньютон и философия» пишет по поводу работы т. Цейтлина».

«Здесь налицо несомненное отсутствие какого-либо понимания метода Маркса и Энгельса и поэтому двойное искажение Ньютона и Маркса» («Под знаменем марксизма», № 4, 1927 г., стр. 37).

Таким образом «очень ценная работа» по мановению волшебного «антимеханического» жезла превратилась в «немарксистское» «исследование» в кавычках, где налицо двойное искажение Ньютона и Маркса. Эта черная и белая магия т. Максимова является, очевидно, «объективной случайностью», той самой, которая водила пером наших критиков, когда они в феврале провозгласили материалистическую девственность надклассовых «русских физиков», а в сентябре высекли сами себя, подобно гоголевской унтер-офицерской вдове!

Другой весьма характерный факт таков:

В № 11 журнала «Под знаменем марксизма» за 1926 год т. Цейтлин поместил заметку: «Карл Маркс о спинозизме и источниках французского материализма XVIII века». Целью этой заметки было выяснение истинного отношения Маркса и Энгельса к спинозизму. Заметка эта вызвала чрезвычайное раздражение т. Луппола, который разразился дерзкой и развязной бранью по адресу т. Цейтлина в статейке «О синице, которая не зажгла моря». Упрекая т. Цейтлина в невежестве, в незнании «ни внешней, ни внутренней истории марксизма», И. Луппол вместе с тем позволил себе совершенно очевидную ложь, явно спекулируя на невежестве читателей. Так он утверждал, что Плеханов не имел в своем распоряжении полного текста «Святого семейства», когда выдвигал знаменитый тезис о том, что марксизм—это род спинозизма. Между тем, второе предисловие Плеханова, в котором этот тезис формулирован, написан Плехановым 4 июля 1905 года, т.-е. три года спустя после появления мeринговского издания «Литературного наследства», так что сам Плеханов ссылается на это издание в примечании 6, именно на стр. 349—374 тома II. В ответ на статейку Луппола т. Цейтлин тотчас же послал свою статью.

но редакция журнала сочла благоразумным спрятать ее в архив. Финал спора оказался весьма замечательным. В 1928 г. Институт Маркса и Энгельса выпустил, под редакцией Рязанова и с предисловием Карева, энгельсового «Людвига Фейербаха». В издании совершенно опущена глава из «Святого семейства», опущена по следующим соображениям: «1) она не входила в издание брошюры Энгельса; 2) Плехановым она была переведена по неполному тексту из «Neue Zeit»; 3) «Святое семейство» имеется теперь полностью на русском языке». С. Кривцов отметил в «Правде» полную несостоятельность этой мотивировки. Не стоит длинно распространяться на эту тему, так как для всякого, кто внимательно следил за полемикой о Спинозе, совершенно очевидны истинные мотивы изгнания главы из «Святого семейства», которую Плеханов в своем предисловии характеризует, как «чрезвычайно важное и по своему историческому значению и по содержанию» выступление «новейшего диалектического материализма против идеалистической философии».

Деборинцы, замазывающие классовую борьбу в науке, естественно не имеют ни возможности, ни охоты серьезно выступать против идеалистической философии и фидеизма с оружием диалектического материализма в руках.

3. ДИФИРАМБЫ РЕАКЦИОНЕРАМ

Охарактеризовав в общих чертах отношение деборинцев к классовой борьбе в науках, мы перейдем к подробностям. Мы видели выше, что ярко выступающая тенденция деборинской критики—это тенденция дискредитировать марксистов-естественников и восхвалить надклассовых «русских физиков». Что такого рода «диалектическая стратегия и тактика» не являются случайностью, очень хорошо видно из рецензии В. Асмуса на сочинение Г. Шпета «Внутренняя форма слова». Рецензия эта появилась в № 23 «В. К. А.»; в № 25 журнала редакция сообщает, что «по техническим причинам» выпало примечание редакции о том, что статья печатается в дискуссионном порядке. Необходимо заявить, однако, что рецензия Асмуса недопустима ни в каком порядке на страницах марксистского журнала. Рецензия эта представляет собою настоящий и притом совершенно откровенный поход против Энгельса и,

следовательно, марксизма. В истории марксизма существует та аксиома, что ревизия марксизма начинается с противопоставления взглядов Энгельса взглядам Маркса. В. Асмус также начинает с этого, а потому мы безошибочно можем утверждать, что Асмус делает в компании с Г. Шпетом попытку откровенной ревизии марксизма.

Что Г. Г. Шпет является махровым реакционером в философии, эта истина не требует, разумеется, доказательства,—она известна всем образованным марксистам. Но что «марксист» Асмус заключил союз с феноменологом и гуссерлианцем Шпетом против Энгельса,—это мы сейчас наглядно покажем. Обсуждая вопрос о генезисе языка, В. Асмус в согласии со Шпетом заявляет, что язык и вообще социальное являются «первичными» «несводимыми» «данностями». Демонстрируя перед всем честным марксистским народом бездонную глубину своей «диалектики», Асмус прибавляет: «первичными, несводимыми» «не в онтологическом, но в методологическом смысле понятия». Это замечание чрезвычайно ярко показывает, каким образом извращаются ныне азбучные истины марксизма с целью пропаганды реакционных взглядов. Азбучная истина марксизма гласит: онтология и методология образуют неразрывное единство; из определенной онтологии необходимо следует определенная методология, из определенной методологии определенная онтология. Иначе думает В. Асмус. С его точки зрения вполне возможно научно познать объект, рассматривая его методологически, но не онтологически, в качестве «первоначальной данности». Асмусовская онтология совершенно отделяется от его методологии.

Это совершенно явное извращение философии марксизма аналогично операции отделения метода Гегеля от системы Гегеля. Маркс категорически заявил: мой метод прямо и в корне противоположен методу Гегеля, ибо Гегель исходит от Абсолютного Духа (онтология!), а я—от движущейся материи. Противоположность онтологий необходимо вызывает прямую и коренную противоположность методологий. В. Асмусу все это не только невдомек, но он еще имеет смелость в оправдание своих антимарксистских взглядов ссылаться на Маркса!

Энгельс, как известно, сформулировал свой взгляд на происхождение языка в знаменитой статье «Роль труда в процессе очеловечения обезьян». У Асмуса об этом взгляде Энгельса ни звука, он предпочитает Энгельсу Антонио Лабриолу!

Взгляды Энгельса квалифицируются Асмусом как «вульгарный социологический натурализм», который «сводится к вульгарному механическому материализму».

Чтобы наглядно показать читателю, как В. Асмус относится к взглядам Энгельса, мы приведем две цитаты, сопоставив их в двух столбцах:

В. Асмус.

«Лингвистический натурализм является составной частью вульгарного социологического натурализма (подчеркн. В. Асмусом). Говоря коротко, сущность его состоит в убеждении, будто ключ к уразумению структуры языка и его функций в культуре лежит в генетическом исследовании происхождения языка методом естественных наук.

Целый ряд языковедов потратил не мало времени и энергии, чтобы объяснить рождение языка и развитие его форм из трудовых действий, эмотивных реакций и т. д. И, однако, как бы ни были в частностях любопытны и ценны все эти домыслы и гипотезы, в основном они были построены на ложной догматической предпосылке, или, вернее, предрассудке. Коренная ошибка языковедческого натурализма—та же, что и натурализма социологического. [1]

Не трудно было бы показать, что социологический натурализм сводится к вульгарному механическому материализму. (Стр. 255).

«Непререкаемая заслуга проф. Шпета состоит в том, что в своей последней книге он с большой обстоятельностью и убедительностью показал теоретическую несостоятельность натурализма в эстетике и языковедении» (стр. 258). «Генетизму натуралистического рассмотрения социология противопоставляет убеждение в несводимости и первоначальной данности «социального, как такового».

Энгельс.

«Развитие труда по необходимости способствовало более тесному сплочению членов общества, так как благодаря ему стали более часты случаи взаимной поддержки, совместной деятельности, и стала яснее польза этой совместной деятельности для каждого отдельного члена. Коротко говоря, формировавшиеся люди пришли к тому, что у них явилась потребность что-то сказать друг другу. Потребность создала себе орган: неразвитая глотка обезьяны преобразовывалась медленно, но неуклонно, путем постепенно усиливаемых модуляций, и органы рта медленно научились произносить один членораздельный звук за другим.

Что это объяснение развития языка из процесса труда и вместе с ним является единственно верным, доказывает сравнение с животными».

Научите попугая бранным словам так, чтобы он усвоил себе их значение (одно из главных развлечений возвращающихся из жарких стран матросов), попробуйте его затем дразнить, и вы скоро откроете, что он так же верно применяет свои бранные слова, как берлинская торговка.

Сначала труд, а затем и рядом с ним членораздельная речь явились самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьян мог постепенно превратиться в человеческий мозг, который при всем сходстве в основной структуре превосходит первый величиной и совершенством. С развитием же мозга шло параллельно развитие его ближайших орудий—органов чувств».

---

[1] *Примечание В. Асмуса.*

Комментарии, полагаем, излишни. Сам Асмус не скрывает, что он со своей «диалектикой» выступает против Энгельса, ибо из марксистов, трактовавших проблему языка, он упоминает лишь Плеханова и Лабриолу, главным образом последнего. Статью же Энгельса «Роль труда в процессе очеловечения обезьян» обходит гробовым молчанием.

Выбирайте же, марксисты, между диалектикой Асмусов—Шпетов и диалектикой Фридриха Энгельса!

Чтобы читатель мог как следует оценить значение асмусовско-шпетовского блока против Энгельса, мы приведем несколько отрывков из статьи М. Н. Покровского в «Известиях»: «Н. Я. Марр» (к сорокалетию научной деятельности):

«Совершенно игнорируя то обстоятельство, что каждым своим новым научным открытием он (Марр) в с е б о л ь ш е и б о л ь ш е п о р т и т с в о ю у ч е н у ю р е п у т а ц и ю, он поставил совершенно естественный, сам собою навертывающийся дальнейший вопрос: а что же двигает вперед всю эту языковую стихию? Каким путем совершается эта эволюция человеческой речи?»

«И тут, уже к крайнему негодованию и возмущению «всех образованных людей», Марр заявил, что сами по себе звуки, над которыми столько упражнений (относительно, разумеется, полезных) произвели старые лингвисты, вовсе не являются в языке самым главным. Древнейший язык был вовсе беззвучным,—это был язык жестов, к которому так охотно и до сих пор прибегают остатки первобытного человечества «дикари». Лишь позднее развивается звуковая речь, но развивается н е п о с в о и м с п е ц и ф и ч е с к и м «з в у к о в ы м» з а к о н а м, а в т е с н о й с в я з и с т р у д о в о й д е я т е л ь н о с т ь ю ч е л о в е к а. Ч е л о в е к с о з д а е т р е ч ь, к а к в с п о м о г а т е л ь н о е о р у д и е с в о е й х о з я й с т в е н н о й р а б о т ы».

Итак, подобно тому, как создателем всей человеческой культуры была рука, а мозг развивался вслед за нею, так было с человеческой речью. Ее вели и создавали не звуки, наоборот, звуки подбирались как орудие в процессе производственного труда».

«Вы догадываетесь,—пишет т. Покровский,—что этого перенести было уже никак нельзя», «ибо буржуазия, как известно, с большой неохотой переносит эволюцию даже в биологии, куда ее, эту эволюционную теорию, по оплошности пустили 70 лет тому назад».

«Но с лингвистикой не следует повторять этой неосторожности, какая была допущена по отношению к биологии».

Вот в чем объективный смысл и значение асмусовских «специфичностей»! Вот в чем объективный смысл и значение похода на «вульгарный механический материализм», «вульгарный социологический, натурализм»—в дружеской компании с гуссерлианцами и феноменологами! Воистину можно сказать: язык до Киева доведет!

4. В. И. ЛЕНИН... М. А. ЧЕХОВ И П. И. НОВИЦКИЙ ОБ АЛКОГОЛИЗМЕ И МЕХАНИЧЕСКОМ МАТЕРИАЛИЗМЕ

Стратегия и тактика новейшего похода на материализм очень древнего происхождения. Еще старые российские философские путаники и махисты пытались применить такого рода стратегию и тактику для сокрушения марксизма. В. И. Ленин разоблачил их в «Материализме и эмпириокритицизме». В параграфе «О двоякой критике Дюринга» Ленин пишет:

«Отметим еще одну характерную черточку в невероятном извращении материализма махистами. Валентинов хочет побить марксистов сопоставлением с Бюхнером, у которого-де масса сходного с Плехановым, хотя Энгельс отгораживается резко от Бюхнера. Богданов, с другой стороны подходя к тому же вопросу, как бы защищает «материализм естественников», о котором-де «принято как-то презрительно говорить» («Эмпириомонизм», книга III, стр. X). И Валентинов и Богданов путают тут безбожно. Маркс и Энгельс всегда «говорили презрительно» о плохих социалистах, но из этого следует, что в их духе—учение правильного научного социализма, а не перелеты от социализма к буржуазным воззрениям. Маркс и Энгельс всегда осуждали плохой (и главным образом антидиалектический) материализм, но осуждали они его с точки зрения более высокого, более развитого диалектического материализма, а не с точки зрения юмизма или берклеанства. О плохих материалистах Маркс, Энгельс и Дицген разговаривали, считаясь с ними и желая исправить их ошибки, а о юмистах и берклеанцах, Махе и Авенариусе, они и разговаривать не стали бы, ограничившись одним еще более презрительным замечанием по адресу всего их направления. Поэтому бесконечные ужимки наших махистов и гримасы их

по поводу Гольбаха и К⁰, Бюхнера и К⁰ и т. д. означают всецело и исключительно бросание песка в глаза публике, прикрытие отступления всего махизма от самых основ материализма вообще, боязнь прямо и ясно посчитаться с Энгельсом».

В. И. Ленин выясняет далее сущность критики Марксом и Энгельсом механического материализма; «не понять Энгельса нельзя, если не желать извратить его», — замечает В. И.

«Энгельс яснее ясного говорит, что Бюхнер и К⁰ «не вышли ни в чем за пределы учений их учителей», т.-е. материалистов XVIII века, не сделали ни шагу вперед. За это и только за это (подчеркнуто В. И.) упрекает Энгельс Бюхнера и К⁰, не за их материализм, как думают невежды, а за то, что они не двигали вперед материализма, «не помышляли раньше о том, чтобы развивать дальше теорию материализма». Только за это упрекает Энгельс Бюхнера и К⁰. И тут же по пунктам перечисляет Энгельс три основных «ограниченности» (Beschränkheit) французских материалистов XVIII века, от которых избавились Маркс и Энгельс, но не сумели избавиться Бюхнер и К⁰».

«Первая ограниченность: воззрение старых материалистов было «механическим» в том смысле (подчеркнуто В. И.), что они применяли исключительно масштаб механики к процессам химической и органической природы. Мы увидим в следующей главе, что непонимание этих слов Энгельса привело к тому, что некоторые люди через новую физику свихнулись в идеализм.

Энгельс не за то отвергает механический материализм, в чем его обвиняют физики «новейшего» идеалистического (махистского тож) направления».

Вторая ограниченность—метафизичность воззрений старых материалистов в смысле «антидиалектичности их философии».

Третья ограниченность — сохранение идеализма «сверху».

«Исключительно за эти три вещи, исключительно в этих пределах отвергает Энгельс материализм XVIII века и учение Бюхнера и К⁰. По всем остальным, более азбучным вопросам материализма (извращенным махистами) никакой разницы между Марксом и Энгельсом с одной стороны, всеми этими старыми материалистами—с другой нет и быть не может».

В. И. Ленин показывает далее, при наличии каких общественных условий критиковали Маркс и Энгельс Бюхнера и К°.

«И Маркс, и Энгельс, и И. Дицген выступили на философское поприще тогда, когда в передовой интеллигенции вообще, в рабочих кругах в частности, царил материализм. Совершенно естественно поэтому, что не на повторение старого обратили все свое внимание Маркс и Энгельс, а на серьезное теоретическое *развитие* материализма, на применение его к теории, т.-е. на *достраивание* здания материалистической философии *доверху*».

«Если представить себе сколько-нибудь конкретно эти исторические условия философских произведений Маркса, Энгельса и Дицгена, то совершенно ясным станет, почему они больше *отгораживались* от вульгаризации азбучных истин материализма, чем *защищали* самые эти истины».

«Только ученики философских реакционеров могли «не заметить» этого обстоятельства и представлять читателям дело таким образом, будто Маркс и Энгельс не понимали, что значит быть материалистами».

Таково ясное, категорическое, недвусмысленное суждение В. И. Ленина о старом материализме и об отношении Маркса и Энгельса к этому материализму. Не понять Ленина нельзя, если не желать извратить его. Но Ленин пописывает, а Ионовы и Новицкие почитывают. Кто такой Ионов, читатель наверное знает. П. Ионов обессмертил себя в анналах марксизма статейкой «Без черемухи», в которой он делает ответственным механический материализм за деяния чубаровцев. П. Новицкому лавры П. Ионова очевидно не дают спать...

Но прежде всего несколько слов о нашем известном актере Михаиле Александровиче Чехове.

Чехов написал нечто в роде «Феноменологии духа» — театральный мемуар «Путь актера» (Изд. «Academia», Ленинград, 1928 г.), в котором рассказывает «историю своей души» и старается нарисовать верную картину того, что «в настоящем переживает душа, рассматривающая самое себя».

Чехов сообщает читателю, что отец его был глубоко образованным человеком: он великолепно ориентировался не только в вопросах философии, но и в медицине, естествознании, физике,

химии, математике и т. д. Мировоззрение отца Чехова было атеистическим и материалистическим, «религиозных тем мы не затрагивали никогда, ибо отец мой был атеистом, и мировоззрение его было материалистическим» (стр. 23).

Как истый философ, он написал пропитанную сократовским духом книгу «Алкоголизм и борьба с ним», ибо сам «страдал тяжелыми, изнурявшими его физически и нравственно приступами запоя» (стр. 21).

Молодой Чехов в возрасте 13—14 лет научился пить во время пребывания с отцом в периоды его болезни.

«Единственной причиной, омрачавшей мои отношения с матерью, было то, что, несмотря на мой возраст, я довольно много пил» (стр. 38).

Естественно, что, страдая наследственным алкоголизмом, М. А. Чехов заболел нервным расстройством. «Первые признаки накопления в моем сознании гнетущих представлений появились еще в детстве, полного развития они достигли во мне, когда мне было уже 24—25 лет».

Вот как описывает Чехов свои переживания в ту эпоху, когда он работал в Малом театре:

«Моя тайная и сложная внутренняя жизнь стала еще тяжелее. Внешне же я становился все грубее и грубее. Я стал больше пить и часто играл в пьяном виде». «Отношения с женщинами становились все грубее и противнее». Во мне начала проявляться еще одна черта—презрение к людям. Люди делились для меня на немногих, которых я любил, и на всех остальных, которых презирал. Мое материалистическое настроение сильно способствовало этому. Этические чувства упирались в материю и отпадали как ненужные». Физическое здоровье мое становилось все хуже и хуже, и начинал развиваться туберкулез легких». (стр. 87). Душевное расстройство Чехова достигло апогея почти накануне Октября. Однажды он даже выскочил на ходу из вагона поезда, захваченный чувством гнетущего страха перед толпой.

«Как раз в это время в моем сознании с особенной ясностью складывалось стройное материалистическое мировоззрение. Я уже достаточно хорошо разбирался в идеях «исторического материализма». Я познакомился с основными положениями учения Маркса и Энгельса, Каутского и других писателей этого направления. Но ясность моего мировоззрения не спасала

меня от душевных страданий. Учение Дарвина, в которое я был буквально влюблен, доставляло мне вместе с радостью и много страданий. Я видел в нем, рядом со строгой закономерностью и мудростью природных законов, целую область жизни, которая шла под знаком случая. Случай, как тяжелый кошмар, преследовал меня повсюду» (стр. 95).

«Когда я вспоминал о том, что солнце, как говорит наука, рано или поздно погаснет, и мир наш застынет и умрет, меня охватывали радость и покой, когда же я читал, что солнце не погаснет, как говорит та же наука,—во мне поднималось глубокое возмущение против всего обезьяньего рода, жаждущего вечного сладострастия».

«Мысль о самоубийстве медленно и закономерно развивалась во мне». Не нужно быть врачом, чтобы поставить диагноз болезни Чехова, найти ее причины и прописать лекарство. Таким превосходным лекарством оказалась Октябрьская революция. Если бы Чехов продолжал жить в развращенной атмосфере доoктябрьского периода, он давно погиб бы от собственной руки.

Грохот октябрьских орудий вызвал благодетельный нервный шок; добывать спиртные напитки сделалось почти невозможным, и Чехов «невероятно страдал без алкоголя». «Вопрос о добывании средств к существованию становился все острее». Вот почему в «эти же годы медленно начало восстанавливаться» здоровье Чехова (стр. 102).

Сам Чехов изображает, разумеется, это выздоровление в виде таинственного кризиса души, настоящего чуда непорочного зачатия: «странным образом кончилось и мое пристрастие к вину. Однажды утром я проснулся от невыносимой боли. Внезапный и неожиданный приступ нестерпимой тоски охватил меня... Мне стало ясно, что причина заключается в вине. Я был поражен таким неожиданным и, казалось, ничем не подготовленным переживанием. Я перестал пить исключительно под влиянием этой пережитой мною муки» (стр. 165).

И, «несмотря на тяжелое сопротивление, которое оказывал мне мой характер, я принялся за переработку своих душевных качеств. Мне уже не были так чужды религиозные настроения. Физическое здоровье мое стало поправляться. Интерес к науке возобновился»... (стр. 151).

Чехов с удовольствием читает у одного философа анекдотический рассказ о том, как учитель объясняет своим ученикам «канто-лапласовскую теорию о происхождении нашей солнечной системы, вращая в стакане воды капельку жира». «Ученики прекрасно поняли мысль своего учителя, но никак не могли догадаться, кто же вместо учителя вращал в мировом пространстве громадную мировую туманность?»

В Италии Чехов с умилением наблюдает Мадонну, у которой на груди приколоты булавкой маленькие дамские часики.

«Я не был оскорблен за Мадонну, нет, Мадонна не страдает от того, что ее чтут простые души так, как умеют, от чистого сердца, с любовью и верой»...

Что же говорит об этих чеховских откровениях «диалектический материалист» Павел Иванович Новицкий, снабдивший книжку Чехова своим предисловием?

«Записки М. А. Чехова имеют тенденцию показать, что мрак и отчаяние, презрение к людям, цинизм и эгоистический асоциальный индивидуализм его прошлой жизни связаны с его прежним материалистическим и религиозным миросозерцанием, с преодолением которого началась для него новая, просветленная жизнь».

Очень хорошо, многоуважаемый «диалектический материалист»!

Но вы сами что думаете по этому поводу? Не является ли основной причиной психического расстройства Чехова некая социальная болезнь, именуемая алкоголизмом? Оказывается, что «диалектический материалист» Павел Иванович Новицкий не допускает такой грубой, вульгарной механической концепции! Оказывается, что вся беда в том, что представления Чехова «о материализме поверхностны и наивны, что «он смешивает механически-физиологический, индивидуалистический, вульгарный, мещанский материализм с диалектическим коллективистическим, динамическим материализмом пролетариата» (стр. 11).

Эта теория кризиса утонченной чеховской души не является, к сожалению, новостью, иначе пришлось бы объявить Ионова и Новицкого величайшими гениями всех времен и народов.

Как справедливо отмечает И. Степанов, еще в 60-х годах прошлого века Юркевичи и прочие попы из духовных семинарий сражали материализм теми же дубинами. Гончаровского Марка Волохова, как известно, «материалистическая философия» довела до потери совести, кражи яблок из садов и развращения молоденьких девиц.

Пусть, однако, Ионовы, Новицкие и К° поостерегутся!

Материализм имеет за собой 2000-летнюю историю и опыт. Он видел на своем пути и не таких противников, как Ионовы, Новицкие и К°. Он победоносно расшиб им всем лбы. Он в дальнейшем будет беспощадно расшибать лбы идеалистам, фидеистам, теологам, их явным и тайным, сознательным и бессознательным прислужникам! Будьте осторожнее, почтенные «диалектические материалисты»! Чем учиться философской мудрости у Чехова, займитесь лучше каждодневным чтением ленинского отрывка «О двоякой критике Дюринга». Это вам наш добрый, искренний совет.

5. СЕ ЛЕВ, А НЕ СОБАКА, ИЛИ ДИАЛЕКТИКА НАИЗНАНКУ

«Никто не станет утверждать, что нервный процесс не есть нервный процесс, только на том основании, что мы можем его разложить на составляющие его физико-химические процессы. Достигнув этого последнего (а еще совсем неизвестно, когда мы этого достигнем, если достигнем вообще), мы не уничтожим, не снимем своеобразия биологического процесса, а только придадим ему иное, конкретное выражение" (В. Слепков—„Биология и марксизм».

«Ignoramris, ignorabimus» (Дюбуа-Реймон, «Семь мировых загадок»).

Наши «диалектики»—ужасно утонченные люди. Для их утонченных диалектических ушей нестерпимо слышать, что человек мыслит мозгом, что мозг является «скопищем электронов», что в процессе очеловечения обезьяны и в развитии «благородного языка богов»—основную роль сыграл труд, что «грубое» вещество алкоголя может служить причиной расстройства утонченных душ и т. д. Не имея возможности открыто отречься от «грубой», «вульгарной» материи, они стараются «облагородить» ее, «утончить», «одухотворить». С этой целью материя объявляется то «чистым понятием», то «абстрактно-конкретным понятием», то «совокупностью всех отношений и связей»; то материя «не существует, как самостоятельное существо», то она—«объективная реальность, существующая вне нашего сознания», но такая, что не следует «упирать» на ее протяженность, и т. д. и т. п. Нет числа тем «утонченностям», которые высказаны нашими сверхдиалектиками насчет материи. Основная цель всех этих «утонченностей» —«облагородить», «одухотворить» грязную Золушку-материю, от которой пахнет навозом. Этим они идут навстречу настроениям легионов мещан и мелких буржуа, которые твердо убеждены, что материализм—источник всех зол, вплоть до деяния чубаровцев.

Наиболее поразительные вещи сформулированы сверхдиалектиками насчет природы биологических процессов. Их писания по этому поводу—это настоящая диалектика наизнанку, диалектика для дураков. Наши утонченные мыслители, очевидно, считают своего читателя круглым идиотом, а посему, прикрепив

к хвосту осла надпись—«Се лев, а не собака», они поучают читателя, что осел есть осел, лев есть лев, а не собака, и тому подобным «диалектическим истинам». На протяжении сотен страниц наши «диалектики» выбиваются из сил, чтобы доказать читателю, что жизнь есть жизнь, что она—особое качество, что следует строго отличать собаку из гипса от живой собаки и т. д. Зловредные «механисты» и «метафизическое естествознание» всего этого, мол, не понимают. Ну, хорошо, примем на веру все эти великие «диалектические» истины—ценный плод великой работы мысли. Разумейте, языцы, и покоряйтесь! Разумеем, разумеем, покоряемся, но осмеливаемся робко—почтительно спросить: какими же путями и методами необходимо изучить это особое качество жизни? Если все, что до сих пор сделано и делается «вульгарным механическим материализмом», ни к чему не годно, если все крупнейшие достижения (которых даже сверхдиалектики не в состоянии отрицать) «механизма» в биологии просто случайны, то укажите, о мудрецы, новые пути и новые методы к достижению истины. Напрасно, однако, читатель будет искать ответа на этот законный вопрос в бесчисленных писаниях наших сверхдиалектиков. Ничего, кроме великих истин о том, что се лев, а не собака, эти писания не дают.

Вот, к примеру, книжка В. Слепкова—«Биология и марксизм». В главе 3-й автор пытается объяснить, в чем же значение физико-химического анализа биологических процессов. В. Слепков не в состоянии выбросить вон физико-химический метод изучения жизни (этого не решается даже сделать самый отчаянный виталист), ибо тогда пришлось бы закрыть все биологические лаборатории, дать отставку всем ученым биологам, закрыть все биологические журналы и прекратить печатание почти всех книг по биологии. Положение Слепкова хуже, поэтому, губернаторского. Он растерянно вертится вокруг да около вопроса, путается, бормочет что-то невнятное и в заключение прячется за излюбленные тавтологии: жизнь есть жизнь, нервный процесс есть нервный процесс и т. д. «Главный аргумент механистов,—пишет Слепков на стр. 50,—есть тот факт, что мы теперь уже успешно разлагаем жизненный процесс на физико-химические элементы, его составляющие. «Это последнее—действительно факт». «Мы успешно анализируем жизнь на физику и химию и имеем в этом отношении блестящие перспективы,—признает Слепков,—но весь вопрос

заключается в том, что из этого следует?» Для всякого марксиста ответ на слепковский вопрос совершенно очевиден. Марксисты считают критерием истины—практику, и если мы успешно анализируем жизнь на физику и химию, то отсюда следует очень многое, в частности то, что выбранный путь и метод правильны, и что нам следует итти по этому пути и крепко держаться метода. Но для сверхдиалектиков нас возвышающий обман дороже тьмы низких истин. «Конечно,—пишет Слепков,—не следует, что диалектический материализм хоть в какой-нибудь степени является противником анализа жизненного процесса на физику и химию. Нет, он не ставит аналитической работе биологов никаких преград. Диалектический материализм приветствует всякое новое открытие в области анализа жизни на физико-химические закономерности». Эти слова столь замечательны, что их следовало бы выжечь каленым железом на лбах сверхдиалектиков. Самая буйная фантазия не могла бы предвидеть, что наступят золотые денечки, когда диалектический материализм—это самое революционно-философское учение—придется защищать от подозрений в том, что он является противником физико-химического анализа жизни (Энгельс: «жизнь—химия белков»), что он ставит преграды работе биологов, что он против открытий в области анализа жизни на физико-химические закономерности. В. Слепков авторитетно успокаивает нас на этот счет и от имени диалектического материализма заявляет, что последний требует лишь ясного понимания того, какую роль в процессе познания жизни этот анализ играет. В чем же это ясное понимание? Мы с трепетом ждали указаний на этот счет. Увы, наш сверхдиалектик ограничивается всего-на-все чисто отрицательным положением: «Эта роль заключается совсем не в том, чтобы снять, уничтожить, отменить специфически-биологическую закономерность, растворив ее в низших физико-химических формах движения». Затем идет цитата из О. Глезера, в которой подчеркивается, что нам никогда не удастся доказать, что лошадь не есть лошадь (стр. 52). Очевидно, по мнению Слепкова, главная задача «механизма» в биологии—доказать эту великую истину. Бедные «механисты» не только никак не могут понять, что лошадь есть лошадь, но даже стремятся доказать, что лошадь не есть лошадь. Слепков чувствует, однако, что не все его читатели—круглые идиоты, он пытается, поэтому, несколько

разъяснить свой основной тезис о невозможности доказать, что лошадь не есть лошадь. «Роль анализа заключается **совсем не в том**, чтобы растворить процессы жизни в физико-химических явлениях. Его роль много скромнее (слушайте, слушайте!). Он должен нам дать представление о том, какие физико-химические явления составляют данный жизненный процесс, каковы место и роль каждого из этих явлений в системе целого, биологически-специфического образования, как эти явления взаимодействуют друг с другом и взаимно ограничиваются обоюдным влиянием. Он должен, другими словами, углубить наши сведения о жизненном процессе, вскрыв интимные, скрытые при первом взгляде на жизнь, стороны этого процесса. При такой постановке вопроса главной основной задачей биологии является установление своеобразных биологических законов тогда, когда анализ на физику и химию играет роль важного, но вспомогательного пути» (стр. 52).

Но разве все перечисленное Слепковым в качестве функций физико-химического анализа не является установлением своеобразия жизненного процесса, разве, с точки зрения диалектики, всякий анализ не связан неразрывно с синтезом, и путь анализа не есть ли вместе с тем путь синтеза? Где же лежит пограничная линия между главной и основной задачей биологии и вспомогательным путем физико-химического анализа синтеза? Слепков не в состоянии указать этой пограничной линии, так как на самом деле физико-химический анализ—синтез жизни и является установлением своеобразия жизненного процесса. Только сознательные виталисты это отрицают, так что слова Слепкова о главной задаче и вспомогательном пути или пустая фраза, или же бессознательный витализм. Слепков смутно это понимает, а посему от физико-химического анализа прямо перескакивает к эволюционной теории, подчеркивая, что диалектик-марксист изучает жизнь исторически. Но разве учение Дарвина не является главным завоеванием «механизма» в биологии, как антипода телеологии витализма? Где и когда «механисты» отрицали эволюционную точку зрения? Они не только ее не отрицали и не отрицают, но наоборот,—они единственные ее последовательные защитники. А вот Слепков, несмотря на фразы о том, что марксисты изучают жизнь исторически, на самом деле отрицает исторический метод в биологии. Действительно, сущность этого метода в том,

что история происхождения объекта исследования определяет метод изучения объекта. Органический мир исторически возник из неорганического. Этот факт имеет решающее значение для метода изучения жизненных процессов. Но Слепков и его единомышленники, не отрицая на словах происхождения живого из мертвого, на деле совершенно игнорируют это обстоятельство. Сила и значение физико-химического метода, громадный успех этого метода обусловлены тем, что органические процессы—это исторически возникшие своеобразные усложнения неорганических. Вот почему разговорчики о том, что физико-химический анализ и синтез не в состоянии решить проблемы жизни,—это отрицание в корне исторического метода в биологии и фактическая капитуляция перед витализмом и теологией. Именно учение Дарвина является фундаментом физико-химического метода в биологии, и всякое сомнение в правомерности этого метода является сомнением правомерности исторического метода, т.-е. дарвинизма и марксизма.

Что Слепков фактически борется с подлинной материалистической диалектикой, хорошо видно из его выступлений по поводу опытов искусственного воспроизведения процессов, аналогичных жизни в неорганических средах (опыта Траубе, Ледюка и др.). Энгельс в предисловии ко второму изданию «Анти-Дюринга» подчеркивает, что признание относительности противоположностей и различий в природе составляет центральный пункт диалектического понимания природы. Но как тогда назвать тех, кто выступает против центрального пункта диалектического понимания природы? С полным основанием можем квалифицировать их, как ревизионистов марксизма. С точки зрения марксизма, наличие аналогий свидетельствует о наличии единства мировых процессов. Энгельс оценивает, поэтому, следующим образом значение искусственных клеток Траубе: «Против вышеприведенного утверждения, что обмен веществ является характерной для белковых тел деятельностью, можно возразить указанием на рост искусственных клеток Траубе. Значение клеток Траубе заключается в том, что они показывают, что эндосмос и рост встречаются также и в неорганической природе и без всякого углерода». Еще более ясно и категорически высказывается по этому же вопросу Маркс в письме к Лаврову от 18 июня 1875 г. («Летопись марксизма», кн. 5):

«Когда я был у вас третьего дня, я забыл сообщить Вам важную новость, которая, может быть, еще неизвестна Вам. Физиологу Траубе в Берлине удалось сделать искусственные клеточки. Это, конечно, еще не натуральные клеточки; в них нет ядра. Смешивая коллоидальные растворы, например, желатину с сернокислой медью и т. д., получают шарики, окруженные оболочкой, которые растут посредством всасывания питательных веществ. Таким образом, образование оболочки и рост клеток вышли уже из области гипотез. Это большой шаг вперед, особенно в виду того, что Гельмгольц и другие собирались уже прозозгласить абсурдную доктрину, что зародыши земной жизни падают в готовом виде с луны, т.-е. что они принесены были аэролитами. Я ненавижу объяснения, которые решают задачу перенесением ее в другую неизвестную область».

Такова подлинная марксова диалектика. Слепкову и его единомышленникам следовало бы теперь провалиться сквозь землю от конфуза. Но нашим сверхдиалектикам наплевать на взгляды Маркса и Энгельса. У них собственное мнение насчет того, что такое диалектика. Вот почему, с точки зрения Слепкова, опыты Траубе и Ледюка не имеют никакого значения. «Все эти опыты не имеют к настоящей синтетической биологии никакого отношения; совершенно не способствуя ее продвижению вперед, они фактически представляют собою ряд попыток не разрешить трудности синтеза, а перескочить через этот синтез, перескочить через качественное своеобразие жизни, совершенно противоестественно отожествить жизнь с неорганическими процессами» (стр. 68). Излишне добавлять, что только дураки от диалектики поверят Слепкову, что Маркс, Энгельск, Траубе, Ледюк и другие ученые не умели отличить собаки из камня от живой собаки и «противоестественно отожествляли жизнь с неорганическими процессами».

Расправляясь весьма сурово и недобросовестно с работами марксистов-естественников, наши сверхдиалектики, как мы уже отметили, странным образом сочувственно подхватывают всякое антиматериалистическое выступление. Это хорошо видно из отношения В. Слепкова к книге А. Некрасова «Борьба за дарвинизм» (ГИЗ. 1926 г. Дарвиновская Библиотека). Некрасов— бесспорно стихийный материалист, но стихийный материализм не спасает, как известно, от реакционной философии. Вот что, например, пишет Некрасов в своей работе (стр. 83).

«Перед дарвинизмом стояли еще и задачи практического характера. У теории постоянства видов было одно относительное преимущество. Довольно хорошо согласуясь с обычными в то время религиозными представлениями большинства средних людей (!), она не нарушала их сравнительно цельного мировоззрения, давшего им известную устойчивость и спокойствие в жизни (?!).

Раздражение и нетерпимость, проявленные многими против теории Дарвина, объясняются (?!) в значительной степени тем, что эта устойчивость и спокойствие его были нарушены (?!). В самом деле, вместо представления о «Промысле» и мудрой цели в создании живых существ, теория естественного отбора выдвигала случай, т.-е. сочетание неизвестных причин. Для обычного среднего человека нестерпимо было остановиться на строго-научной точке зрения, которая предлагала воздержаться от мнения там, где еще много неизвестного, и где для определенного убеждения недостает положительных данных. Если у таких людей было отнято старое убеждение, им необходимо было новое, столь же определенное. Наместо старого учения Библии о сотворении живых существ и человека должно было бы возникнуть новое учение о «естественной» истории творения, где бы все было так же ясно (!), как в Библии. Наместо старой морали и идеалистической философии оно должно было построить и свою философию и свою мораль и ответить по возможности на все вопросы, интересующие человека. Но могли ли эту задачу взять на себя Дарвин и его английские друзья? Нет, так как они лишили бы теорию естественного отбора того ценного, что составляло ее главную силу: все ее выводы были строго обоснованы наблюдениями и фактами; всякое ее положение давалось лишь постольку, поскольку его допускали факты. Там, где недоставало точных наблюдений, там говорилось лишь о вероятности,—или просто рекомендовалось пока воздержаться от мнения. Гексли, этот рыцарь истины, предпочитал всему свой «деятельный скептицизм» или свой «агностицизм» тогда, когда у него не было фактических доказательств в пользу того или другого мнения».

Нашлись, однако, люди, которые не хотели оставаться на «богословско-агностической» точке зрения, на почве того пошлого позитивизма, который столь любезен сердцу теологов. Одним из них был знаменитый Эрнст Геккель. И вот Некрасов выступает против Геккеля. Чтобы наиболее выпукло подчеркнуть чудовищность этого выступления на страницах гизовских изданий, мы приведем оценку Геккеля, которая дана В. И. Лениным в специальном параграфе «Эрнст Мах и Эрнст Геккель»:

«Буря, которую вызвали во всех цивилизованных странах «Мировые загадки» Э. Геккеля, замечательно рельефно обнаружила *партийность* философии в современном обществе— с одной стороны и настоящее общественное значение борьбы материализма с идеализмом и *агностицизмом*—с другой. *Сотни тысяч* экземпляров книги, переведенной тотчас же на все языки, выходившей в специально дешевых изданиях, показали воочию, что книга эта «пошла в народ», что имеются *массы* читателей, которых сразу привлек на свою сторону Э. Геккель. *Популярная книжечка сделалась орудием классовой борьбы.*

Профессора философии и теологии всех стран света принялись на тысячи ладов разносить и уничтожать Геккеля. Знаменитый английский физик Лодж пустился защищать бога от Геккеля. Русский физик г. Хвольсон отправился в Германию, чтобы издать там «*подлую черносотенную брошюрку*» против Геккеля и заверить почтеннейших господ филистеров в том, что не все естествознание стоит теперь на точке зрения «наивного реализма». Нет числа тем *теологам*, которые ополчились на Геккеля. Нет такой бешеной брани, которой бы не осыпали его казенные профессора философии. Весело смотреть, как у этих высохших на мертвой схоластике мумий,— может быть, в первый раз в жизни,—загораются глаза, и розовеют щеки от тех пощечин, которые надавал им Эрнст Геккель. Жрецы *чистой науки* и самой отвлеченной, казалось бы, теории прямо стонут от бешенства, и во всем этом реве философских зубров (идеалиста Паульсона, имманента Ремке, кантианца Адикса и прочих, их же имена ты, господи, веси) явственно слышен основной мотив против «метафизики», против «догматизма», против «*преувеличения ценности и значения естествознания*», против «*естественно-исторического материализма*» (стр. 35)6.

Отметив субъективное «соглашательство» Геккеля, В. И. Ленин приводит следующее заключение Меринга и Геккеля:

«Сравните, в заключение, отзыв о Геккеле Франца Меринга, человека, не только желающего, но и умеющего быть марксистом. Как только вышли «Мировые загадки», еще в конце 1899 года, Меринг сразу указал на то, что «сочинение Геккеля и своими слабыми и своими сильными сторонами замечательно ценно для того, чтобы помочь прояснению несколько запутавшихся в нашей партии взглядов, чем является для нее с одной стороны — исторический материализм, с другой стороны—исторический материализм.

Недостаток Геккеля тот, что он понятия не имеет об «историческом» материализме.

Его необычайно слабая сторона связана неразрывно с его необычайно сильной стороной — с наглядным, ярким, составляющим несравненно большую и по объему и по важности часть книги, изложением развития естественных наук в XIX веке, или, другими словами: изложением победоносного шествия естественно-исторического материализма» (подчеркнуто В. И., стр. 364).

Этими словами заканчивается книга В. И. Ленина. И вот Гиз не только пе издает «Мировых загадок» и др. книг Геккеля, но после приведенной оценки В. И. значения Геккеля издает книгу, направленную против Геккеля.

Мы не будем цитировать всех некрасовских «аргументов» против Геккеля, заимствованных у Дюбуа - Реймона, Вирхова и т. п. источников. Все они резюмируются в некрасовском отношении к «подлой черносотенной брошюрке» Хвольсона, о которой упоминает В. И. Ленин.

Вот, что говорит Некрасов: «Однако, в глазах специалистов и научно более образованных людей (т.-е. в действительности в глазах той черносотенной шайки, о которой столь красочно пишет В. И. Ленин)—в учении Геккеля было слишком много ошибочного, что бросало тень и на ядро его теорий, где была истина; было слишком много мнимых объяснений, где за словами не скрывалось реального содержания. Его обвиняли, и не без основания, что он рисовал изображения объектов, которых он не видал, и неправильно воспроизводил изображения других объектов, чтобы использовать их для защиты своих взглядов; его упрекали в том, что он насадил человеческую голову на эмбрион обезьяны и

выдавал его за эмбрион человека. Так же бесцеремонно он обращался и с идеями и фактами различных отраслей человеческого знания.

Петербургский физик Хвольсон в своей брошюре «Гегель, Геккель, Кошут и двенадцатая заповедь» указывает на большое невежество Геккеля в вопросах физики, о которых он смело и безапелляционно судил в своих сочинениях. Двенадцатая заповедь, по Хвольсону, гласит: «Никогда ты не должен писать о том, чего ты не понимаешь». «Все, решительно все, что говорит, объясняет и утверждает Геккель относительно различных проблем физики,—говорит Хвольсон,—ложно основывается на недоразумениях или показывает такое непонимание элементарнейших вопросов, которому едва можно поверить. Он не обладает самыми элементарными школьными познаниями даже о том законе, который он сам объявил путеводной звездой философии».

Что должен теперь подумать читатель, читавший В. И. Ленина, об этой некрасовской защите «подлой черносотенной брошюрки» Хвольсона? На этот вопрос мы предоставляем отвечать кому следует. Мы же отметим один чрезвычайно характерный факт.

Критик Слепков очень благосклонен к работе Некрасова. Вместо того, чтобы разоблачить непоследовательность Некрасова, как стихийного материалиста, вместо того, чтобы вскрыть ошибку Некрасова в его выступлении против Геккеля, Слепков, горячо рекомендуя книгу Некрасова читателю, замечает:

«Только напрасно (!) автор противопоставляет Геккеля—Дарвину, его учителю. Напрасно (!) так резко обрушивается на Геккеля за его теоретические работы. Конечно, у Геккеля есть спекулятивные построения особенно в философии и в социологических взглядах, но ставить ему в вину попытку создать цельное материалистическое миропонимание—нельзя. Это не вина, а заслуга, за которую в свое время должным образом оценил Геккеля В. И. Ленин.

Но в общем книжка Некрасова очень хорошая. Автор сумел отобразить динамику борьбы вокруг дарвинизма. Мы горячо рекомендуем широкому читателю книжку Некрасова».

Стиль от человека! Чего стоят такие обороты речи как: «только напрасно», «ставить ему в вину... нельзя», «это—не вина, а заслуга», «в свое время»...

Итак, согласно Слепкову, книга, в которой Геккелю ставится в вину попытка создать цельное материалистическое миропонимание, книжка, в которой в качестве авторитета фигурирует «подлая черносотенная брошюрка» Хвольсона, которую «в свое время» достойно оценил В. И. Ленин,—книга эта «очень хорошая» и «горячо рекомендуется широкому читателю».

Жаль, что т. Слепков не порекомендовал «горячо» также небезызвестную «в свое время», написанную В. И. Лениным— книгу «Материализм и эмпириокритицизм». Параллельное чтение Ленина и Некрасова помогло бы читателю уяснить себе объективный смысл слепковских писаний.

«Горячо рекомендуя» поход против Геккеля, наш утонченный диалектик естественно мечет громы и молнии против таких сочинений, как книга проф. А. Бенкена: «Жизнь и ее законы» («Основы материалистического миропонимания»). Здесь опять фигурируют «вульгаризация» в связи с опытами Ледюка и прочие «диалектические жупелы» нашего рецензента.

«Утонченной диалектике» марксизм должен объявить решительную войну. Марксизм не родился вчера и имеет за собою длительный опыт борьбы против всякого рода извращений. Его не проведешь никакими «субъективно благими намерениями», никакой «диалектической фразой», никакой маской «положительной науки». Марксизм выдерживал более серьезные испытания на фронте общественной борьбы, и на этот раз он сокрушит своих явных и тайных, сознательных и бессознательных врагов.

6. ЛЕГЕНДА О МЕХАНИСТАХ И РЕДАКЦИЯ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА

„Казанское отделение Гиза издало Коран".

(Сообщение т. Ингулова на съезде работников печати).

Относительная стабилизация капитализма на Западе и сложная экономическая и политическая обстановка в СССР вызывают усиленный напор реакционных сил на диктатуру пролетариата. В этих условиях наши утонченные диалектики не нашли для себя ничего лучшего, как объявить священную

войну «механическому материализму». Вокруг бушует стихия мелко-буржуазного океана. Везде и повсюду лихорадочно орудуют теологи и идеалисты, мертвоцерковники и живоцерковники, толстовцы и сектанты, теософы, мистики, спириты, явные и тайные идеологические шахтинцы; идет ожесточенная классовая борьба в академиях, ученых и учебных учреждениях, театрах (головановщина) и т. д. Тов. Ярославский констатирует, что тираж атеистической литературы сократился, а поповской—возрос. И. Луппол признает, что завет Ленина о пропаганде атеизма не выполнен.[1] Г. Дмитриев на страницах «Правды» обвиняет свое философское руководство в отрыве от масс. А стыдливые критики и утонченные диалектики, упершись лбами в специфичности, воздевши очи горе к гегелевскому небу и указывая перстами на зловредных «механистов», орут истошными голосами: «Вот враг. Добейте его!» Выбрасывается в эпоху борьбы за индустриализацию, марксистскую науку и технику лозунг: «Естествознание заражает марксизм».

Когда же дело доходит до борьбы с представителями немарксистского и нематериалистического лагеря, то оказывается, что деборинцы показывают чудеса храбрости только в драке с выдуманными ими же самими фантомами механизма, фрейдизма, ревизионизма и т. д. Они очень решительно воюют с покойными Беркли, Юмом, Махом и т. д., с заграничными Бергсоном, Гуссерлем, Фрейдом и т. д.; но, когда им приходится выступать против подлинной, живой, сидящей под носом реакции, они вооружаются картонными мечами и обращаются позорно в бегство. Доблестная природа наших «воинствующих материалистов» видна из следующего замечательного документа. В 1926 году. «Отделение истории и методологии естествознания» Тимирязевского Института послало в редактируемый А. Дебориным и Н. Каревым журнал «Под знаменем марксизма» нижепубликуемую статью—«О редакции некоторых изданий естественно-научного отдела Гиза». «Воинствующие материалисты» и храбрые механоборцы не только просто отказались опубликовать статью, но приняли все меры,

---

[1] Весьма характерно, что деборинцы не ведут никакой антирелигиозной пропаганды. Лишь зловредные «механисты» Степанов-Скворцов, Сарабьянов, Гурьев и др. занимаются этим делом, которое наши «утонченные диалектики» считают, очевидно, слишком вульгарным для себя.

чтобы она своевременно не появилась в печати. Почему—пусть это объяснят сами механоборцы. С тем бо̀льшим, зато, усердием и пылом они принялись громить «механистов», а в качестве эпилога опубликовали в 1927 году отчет Б. Гессена и В. Егоршина «Пятый Съезд русских физиков», в котором со ссылками на Ленина утверждается надклассовая материалистическая девственность «русских физиков» романовской России. Пусть же читатель посудит, какова действительная цена сверхдиалектических громких декламаций и напыщенных фраз. Пусть посудит, в чем объективный смысл угроз и брани по адресу «механистов», чей социальный заказ выполняют наши сверхдиалектики, давление каких сил они отражают.

Публикуя статью о редакции естественно-научных изданий Гиза, считаем необходимым сделать следующие замечания:

1. Статья эта не только не устарела, но приобрела ныне еще бо̀льшую актуальность. Все выдвинутые в ней утвержденния остаются в силе. Благодаря любезному содействию деборинцев положение дела с изданием естественно-научной литературы сильно ухудшилось. Ныне всякий, кому не лень, имеет возможность кивать на «механистов» и срывать издание материалистических сочинений, распространяя под видом «современной науки» всякий идеалистический хлам и поповщину. Что это бесспорно так, хорошо видно из следующего новейшего образца продукции естественно-научного отдела Гиза: «В постепенном и неуклонном разрушении веры в то, что человек—избранное творение бога и занимает центральное место во всей вселенной, самым мощным фактором было развитие ньютоновской философии.

Это мировоззрение вселяет в нас чувство собственного ничтожества при мысли о том, что даже Земля является только маленькой, крошечной планетой, затерявшейся где-то в безбрежном пространстве. Какое влияние могут иметь наши маленькие жизни на ход мирового процесса? Мы—лишь «продукты факторов, которые действовали слепо, не предвидя результатов своей деятельности». Природа идет своим путем, глухая и бесчувственная к нашей жизни с ее надеждами, страхами и волнениями.

Теперь же оказывается, что мы находимся в центре нашей вселенной, в некотором весьма специальном и индивидуальном смысле. Человечество

начало свою научную жизнь с убеждения в абсолютной неподвижности Солнца; Ньютон смел все эти представления,—не стало ничего неподвижного. Теперь же для нас решительно все равно, что считать неподвижным и что—«подвижным». Мы можем выбрать все, что нам угодно, и признать подвижным для нас. Наша Земля пригодна для этого ничуть не меньше, чем любое другое тело,—даже еще лучше, так как для нас во многих отношениях удобнее именно ее считать неподвижной. В действительности каждый индивид является для самого себя «неподвижным», но так как скорости движения людей относительно друг друга и относительно Земли очень малы, то именно Землю представляется удобным рассматривать как неподвижную.

Мы знаем, что философские, биологические и общественные науки стремятся ныне найти такое воззрение на жизнь, которое признало бы, что жизнь и деятельность человека не являются просто побочным продуктом слепых сил природы, и что деятельность человека играет далеко не последнюю роль в организации нашего общества. Только одна физика, казалось, выступала против этого общего устремления биологических и общественных наук. Теперь это уже не так. И это не может и быть иначе, если данный образ каждого явления природы действительно так тесно связан о наблюдающим его индивидуумом, как это показывает теория относительности».

Эта совершенно неприкрытая махровая поповщина напечатана в книге Дж. Райса «Принцип относительности», изданной Гизом в 1928 г. (серия «Природа и культура»). Редактор книги Я. Френкель, известный своей пропагандой идеалистической монадологии Лейбница-Босковича, горячо рекомендует книжку Райса в своем предисловии: «книжка Райса является, по моему мнению, единственным популярным изложением теории относительности, которое на самом деле способно дать широкому кругу читателей правильное представление о сущности и предпосылках этой теории». Итак, согласно просвещенному мнению гизовского редактора, сущность теории относительности—в восстановлении веры и реабилитации того, разрушенного ньютоновской философией положения, что человек—избранное творение бога и занимает центральное место во вселенной.

В другом гизовском издании 1928 года, Дж. Джинс и А. Эддингтон, «Современное развитие космической физики» (серия «Новейшие течения научной мысли»), доказывается, что

«жизнь—единственная реальность, которая сама творит вместо того, чтобы твориться гигантскими массами звезд и туманностей в необозримые промежутки астрономических сроков».

Эта идеалистическая чепуха преподносится читателю под видом «новейших течений научной мысли».

Основные аргументы «научной теологии»—конечность мира в пространстве (согласно теории относительности) и его тепловая смерть (согласно второму закону теории тепла)—усиленно пропагандируются на страницах гизовских изданий.

Так, Дж. Джинс в «Успехах физических наук» (сентябрь—октябрь 1928 г.) доказывает конечность Вселенной: «Вселенная работает, как часы, которые некому заводить». Эддингтон в книге «Звезды и атомы» пропагандирует «уничтожение материи» и тепловую смерть мира. [1]

Физик Мысовский в работе «Космические лучи» (серия «Новейшее течения научной мысли», 1928 г.) дискредитирует в заключении попытку Нернста «спасти» мир от тепловой смерти

Наконец, физик-махист Франк, выступавший в немецкой печати против «вульгарного материализма» Ленина (статья Франка будет в ближайшем опубликована в «Диалектике природы»), приглашается в «Советскую энциклопедию» для написания антиматериалистической статейки, «Волны» в которой делается попытка мыслить движение без материи. [2] Ознакомив-

---

[1] «Теория субатомной энергии и особенно теория уничтожения материи кажутся весьма многообещающими». Редактор брошюры Эддингтона-Джинса С. И. Вавилов горячо рекомендует читателю брошюру и ни единым словом не отмечает пропагандируемую в ней под маской новейших течений научной мысли поповщину (стр. 142).

[2] Что в «Советской энциклопедии», философским редактором которой состоит А. Деборин, пропагандируется махизм, оффициально подтверждено в статье Н. Осинского в «Правде» (15 марта 1929 г.). Имея в виду статью Франка, Осинский пишет: «В последнем томе «Б. С. Э.» помещена статья по одному весьма специальному вопросу (из области естествознания), принадлежащая перу заграничного ученого, весьма левого по своим воззрениям и весьма нам дружественного. Статья ценная и компетентная, но в ней есть место, где автор высказывает близкие к эмпириокритицизму взгляды».

Напрасно, однако, Н. Осинский приписывает появление статьи махиста Франка «недосмотру» редактора. Никакой «случайности» и «недосмотра» здесь нет и не было, как это читатель убедится из нижепубликуемых материалов, ибо те же самые лица (А. Деборин, О. Ю. Шмидт, М. Левин) являются главными и действительными руководителями как научного отдела «Б. С. Э.», так и научного отдела Гиза.

шись с нижеопубликованным материалом, читатель убедится, что все указанное не является случайностью в деятельности естественно-научного отдела, где уже несколько лет сидит деборинский «идеологический совет» (Агол, Гессен, Левин и др.), возглавляемый А. Дебориным, а заместителем заведующего является деборинец М. Левин. Кто же является ответственным за божественные проповеди, бесперебойно публикуемые Гизом?

2. Статья направлена против редакции естественно-научных изданий. Статья не ставит себе целью дать исчерпывающие характеристики миросозерцания тех или иных ученых, затрагиваемых в статье. Мы прекрасно знаем, что некоторые из этих ученых (например, Комаров, Осборн и др.) являются стихийными материалистами. Но эти стихийные материалисты, пускаясь в открытое море философии, начинают блуждать, делают ошибки и впадают в реакционность. Задача марксистов — разоблачить реакционные взгляды, не взирая на лица, тем более, что эти взгляды распространяются в сотнях тысяч экземпляров. В этом отношении Лениным дана вполне ясная директива: «осуществляя в известной мере свой союз с прогрессивной частью буржуазии, неуклонно разоблачать ее, когда она впадает в реакционность». Поэтому всякие разговорчики о спецеедстве, когда речь идет о рецидиве в реакционность того или другого ученого, мы будем рассматривать, как прямое отступление от марксизма и ленинизма и прикрывательство реакционных идей. Спецееды — это дураки или изменники, в категорию которых, вопреки горячему желанию сверхдиалектиков, мы записываться не собираемся. Ленин говорил, что коммунисты — величайшие соглашатели, но только в интересах пролетариата. Мы считаем, что не в интересах пролетариата распространение в сотнях тысяч экземпляров реакционных идей под видом выводов современной науки.

3. Результаты деборинского соглашательства, замазывание классового характера науки и ученых, прикрывание реакционных выступлений ученых на страницах гизовских изданий уже успели проявиться и по точному общеизвестному закону развития всякого оппортунизма. Наглость наступающей реакции возрастает пропорционально уступкам принципиального характера. Деборинцы не заявили отвода против кандидатуры

идеалиста Лузина[1] на философскую кафедру Академии Наук, желая провалить кандидатуру марксиста Аксельрод. Учинив раскол на фронте марксизма, деборинцы ослабили фронт марксизма и добились первоначального скандального провала А. Деборина на выборах в Академию. Защищенные деборинцами в 1926 г. и воспетые ими в 1927 г. «русские физики» без «нарочитой» реакционности и с «давнишними материалистическими традициями» дали деборинцам хороший урок марксизма. Такова неизменная судьба всякого оппортунизма и примиренчества. Не знаем, пойдет ли такой урок впрок тем из деборинцев, которые добросовестно заблуждаются и слепо идут на поводу антимарксистских сил. Мы надеемся, что многие марксисты, не разбирающиеся как следует в споре, наконец, узрят механику новейшего похода на диалектический материализм под флагом борьбы с «механистами».

О РЕДАКЦИИ НЕКОТОРЫХ ИЗДАНИЙ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОГО ОТДЕЛА ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА

Отделение истории и методологии естествознания Тимирязевского Научно-Исследовательского Института считает необходимым обратить внимание на характер редакции некоторых изданий естественно-научного отдела Государственного издательства. Заведующий Гизом в своей статье «Виноват журналист» говорит, что Гиз должен стать центральным органом партии по идеологическому руководству печатью. Так как естествознание является одной из основ марксистской идеологии, то редакция естественно-научных изданий является делом чрезвычайно ответственным. Между тем целый ряд книг, изданных Гизом, показывает, что редакция эта не стоит на должной высоте с точки зрения марксизма. Мы дадим в дальнейшем

---

[1] Представителем деборинцев в правительственной комиссии по выдвижению кандидатов в Академию был И. Луппол. Против Н. Лузина был достаточен простой формальный отвод,—Лузин не имеет никакого специального отношения к какой бы то ни было философии, он идеалистически настроенный специалист-математик. Деборинцы, пользуясь уставом («бессмертие академиков»), решили, однако, на вечные времена сделать А. Деборина единственным академическим представителем марксистской философии, заткнув другую философскую кафедру «бессмертным» идеалистом Лузиным. Этот позорный акт лучше всего характеризует деборинское соглашательство.

ряд образцов этой редакции, при чем особенно подчеркиваем, что имеем в виду исключительно редакционную сторону изданий, а не их содержание в целом, не вопрос о приемлемости или неприемлемости этих изданий в целом с точки зрения интересов марксизма. (Несомненно, что большинство их заслуживало издания при условии соответствующей редакции). Поэтому нижеприводимые заголовки имеют целью обратить внимание на одну лишь специфическую сторону изданий—редакционную.

1. Бог—творец и правитель вселенной

1. «Всемогущий отец добра, это твоя славная работа, твое создание—вся эта дивная вселенная» (С. Ньюкомб. «Звезды». Гиз. 1923 г., стр. 1. Эпиграф к гл. 1).

2. «Божественный дух управляет строением огромного мира, всеми разнообразными проявлениями сил природы, всеми стихиями, воздухом, огнем, землей и морем» (там же, стр. 220. Эпиграф к гл. 20).

Книга Ньюкомба «Звезды»—бесспорно полезная книга. Но если Ньюкомб, как добрый буржуазный профессор, считает необходимым снабдить главы своего сочинения эпиграфами на божественные темы, то с какой стати эти эпиграфы, не имеющие, конечно, никакого отношения к делу, сохраняются в издании Государственного издательства? Допустим, однако, что редактор. В. Серафимов из особого пиэтета к тексту известного астронома не считает возможным выбросить божественные эпиграфы. Почему же тогда он не снабдил издание хотя бы кратким предисловием, разъясняющим смысл всемогущего отца добра, управляющего вселенной? Можно ли это назвать ошибкой?

2. Сущность числа — бог, сущность духа — число, сущность духа—бог

Если в книге Ньюкомба эпиграфически развивается идея о том, что бог — творец вселенной и жизни, то А. Фосс в «Сущности математики» (Гиз. 1923 г.) доказывает, что сущность числа — бог. И так как число—сущность духа, то отсюда следует, что сущность духа — бог, и, стало быть, дух, как таковой, непознаваем: ignoramus, ignorabimus, — этими словами Дюбуа-Реймона заканчивает Фосс свое сочинение.

«В высшем свете представляется нам теперь учение пифагорейцев, которые мистически усматривали в целом числе господствующую над всем гармонию и подлинную сущность вещей». «Духовная деятельность,—говорит А. фон-Гумбольдт, — проявляется во всем своем возвышенном величии там, где она, не нуждаясь во внешних материальных средствах, получает свой блеск исключительно из того, что исходит из мира математических мыслей». «А еще более великий, чем Гумбольдт, Гаусс выразил свои глубочайшие мысли в изречении «ὁ θεὸς ἀριθμετίζει» (бог счета!). Это значит, что частица божественной сущности вложена в число» (стр. 54).

«По Вальтерсгаузену Гаусс понимал это изречение так, что интеллекту, стоящему выше человеческого, под формой числового понятия является и то, что недоступно нашему духу» (стр. 109).

«По современному нашему разумению мы должны признать, что решение великих вопросов, касающихся происхождения органической жизни и ее выражений в ощущениях, представлениях и мыслях и вообще всех выражений духовной жизни, навсегда недоступно для нашего логического познания: ignoramus, ignorabimus—не знали и не будем знать!»

Переводчик, он же, повидимому, редактор, И. Яшунский хранит скромное молчание перед этими великими откровениями Фосса. Если современные математики, подобные Фоссу, гордятся тем, что сам бог — princeps mathematicorum, и непрочь возродить хороший обычай средневековья — начинать доказательство словами: «во имя отца, сына и святого духа, сумма углов треугольника равна двум прямым», то подобного рода вещам место ли в изданиях Гиза?

3. Сущность вещей непознаваема, разум человека гносеологически ограничен

Если раньше мы говорили о редакционных «ошибках», то сейчас мы можем говорить об определенной проповеди, ибо на сцену выступает проф. О. Д. Хвольсон, отличившийся в походе против Геккеля, и творение которого «Гегель, Геккель, Кошут и 12-я заповедь» удостоилось особой похвалы («подлая черносотенная брошюрка») В. И. Ленина. В двух сочинениях, изданных Гизом,—«Характеристика развития физики за последние 50 лет» (Гиз. 1924 г.) и «Физика и ее значение

для человечества» (Гиз. 1923 г.)—Хвольсон с большей или меньшей осторожностью проповедует агностицизм и кантианство.

«Вселенная, т.-е. совокупность всего существующего, могла бы быть полностью описана, если бы были известны все первичные играющие в ней какую-либо роль действующие источники со всеми их свойствами. Источники и их свойства назовем, для краткости, элементами вселенной (или мироздания) и введем гипотезу, может быть, слишком смелую, что эти элементы могут быть разделены на две группы — на доступные и на безусловно недоступные нашему познанию. «Допустим, что электромагнитное пространство и внутриатомный мир относятся к области второй».

«Если это все так, то нам действительно придется сказать: lasciate ogni speranza (оставьте всякую надежду!), и стать на точку зрения агностицизма, хотя бы только частично. Тогда и биолог вправе задуматься: нет ли здесь чего-то аналогичного биологическим наукам, которые, несмотря на все свои поразительные успехи, ни на шаг не продвинулись к решению своей главной задачи, к уразумению сущности жизни, которая, может быть, относится ко второй области, подчиненной элементам из второй группы» (стр. 250).

Хвольсон прибавляет, что мы все-таки должны держаться того убеждения, что выдвинутая им гипотеза не соответствует действительности! Но ценность этой оговорки видна из совершенно откровенного изложения взглядов Хвольсона в его книге «Физика и ее значение для человечества», изданной Гизом в 1923 г.

Вот что говорит Хвольсон в своей книге:

«Разве мы имеем право утверждать, что истина вообще доступна нашему пониманию, что мы могли бы ее охватить, если бы удалось проникнуть за кулисы той сцены, на которой разыгрываются физические явления, доступные нашему непосредственному наблюдению? На этот вопрос мы ответа дать не можем, и мы должны ограничить задачу науки, как стремление приблизиться к истине». «Мы упомянули о пределах человеческой познавательной способности. Что такие пределы существуют, в этом убеждает нас ряд вековечных вопросов, не поддающихся решению, хотя человечество не перестает над

ними трудиться и не перестает надеяться хотя бы сколько-нибудь приблизиться к их решению» (стр. 33, 34, изд. 1923 г.).

Хвольсон стоит на точке зрения Канта, как это видно из главы, посвященной энтропии, где Хвольсон пользуется знаменитыми кантовскими антиномиями конечности и бесконечности мира в пространстве и времени. «Непознаваемые элементы» Хвольсона—не что иное, как кантовские «вещи в себе».

4. Вне нас нет никакого естественно-исторического закона. Человек дает законы природе. Следствие может предшествовать причине.

Общеизвестную точку зрения Канта на сущность и значение законов природы развивает Аверинцев в «Основах зоологии» Гиз., 1925 г. *[1]

В предисловии автор пишет:

«В заключение мне хотелось бы повторить слова Пирсона, которые я склонен выбрать эпиграфом к настоящей книге: «Познание есть стенографическое описание в понятиях (никак не объяснение) рутины нашего чувственного опыта».

На стр. 9 Аверинцев детально расшифровывает это основное махистско-идеалистическое положение своей зоологии. «Пользуясь случаем, следует указать, что «закон разделения труда», находящий довольно широкое распространение в биологии, как и всякий другой из наших естественно-исторических законов, есть не что иное, как весьма краткая немногословная формула, заменяющая нам описание большого ряда наших чувственных впечатлений.

«Вне нас нет никакого естественно-исторического закона. Всегда надлежит помнить, что всякий биологический закон не является какой-то необходимостью, данной в самой природе, а представляет результат творческих способностей человека. Таким образом, как справедливо говорит Пирсон, научный закон не имеет смысла помимо человека, который как бы дает законы природе, а не наоборот». Этот махровый идеализм не только прошел через редакцию Гиза, но,

[1] Книги, отмеченные звездочкой *, изданы во вторую половину 1925 года.

что самое удивительное, рекомендован Государственным Ученым Советом.

ГУС рекомендует мировоззрение Карла Пирсона, этого «самого последовательного и ясного из махистов» (В. И. Ленин. «Мат. и эмп.», стр. 263, изд. 1920 г.), этого «добросовестного и честного врага материализма, который не сочиняет особой вывески для своей философии, а без малейших обиняков называет тех классиков, от которых он ведет свою линию: Юма и Канта» (В. И. Ленин, стр. 133).

Таковы «основы» зоологии Аверинцева. Не трудно понять, как он их развивает в подробностях. Совершенно очевидно, что для Аверинцева, вообразившего себя законодателем природы, ламарковская и дарвиновская, например, теории видообразования являются только двумя формулами, «пользуясь которыми, можно охватить громадное разнообразие вымерших и современных органических форм» (стр. 200).

«Следует помнить,—настойчиво подчеркивает Аверинцев,— что самая теория эволюции есть лишь общая формула, дающая в нескольких кратких положениях обобщение всех изменений в мире органических форм, иными словами—краткое «причинное[1] описание последовательного возникновения на земле различных форм жизни (Пирсон)» (стр. 184).

Впрочем, «дарвиновская формула» не особенно нравится Аверинцеву, и он тщательно подчеркивает различные возражения против нее антидарвинистов.

Точка зрения Канта—Пирсона является все же сравнительно умеренной точкой зрения, хотя Пирсон уже склонен в некоторых случаях переходить границу умеренности. Но ни Кант, ни Пирсон не доходили до мистики, до того, чтобы утверждать, что следствие может предшествовать причине! Оказывается, что именно помощник редактора «Журнала Русского Физико-химического Общества» Я. И. Френкель заявляет претензию превзойти самого Канта—Пирсона. На стр. 406 указанного журнала (т. LVII, вып. 3—4, 1925 г.) Я. И. Френкель утверждает, что «обычное понимание принципа причинности, согласно которому причина всегда предшествует следствию, является, как нетрудно убедиться, совершенно иллюзорным».

---

[1] В смысле, конечно, Канта—Пирсона.

И это не просто философский тезис, а положение, подкрепляемое соображениями математической физики. Итак, математическая физика учит, что следствие может предшествовать причине!

Комментарии излишни!

5. Материализм—мировоззрение буржуазии. Пропаганда энергетической философии

«Еще далее берет верх материализм. Он ставит во главу угла материю, как единственное, что исследуемо при помощи наших пяти чувств. Дух есть только проявление материи, а не самостоятельная сущность. Это мировоззрение развилось вместе с городской буржуазной культурой, с развитием фактического знания, техники. Наконец, новые данные о строении материи, развитие термодинамики, учение о превращении одних форм энергии в другие делают возможным энергетическое мировоззрение. Основа мира—не материя, а работа. Это мировоззрение должно стать мировоззрением трудящихся». «Из истории биологии» В. Л. Комарова, редактора «Очерков по истории естествознания», изд. Гизом (Гиз. 1926 г., стр. 5).

6. Энергия—нематериальное начало

Как указал В. И. Ленин, сущность энергетической физики в том, что пытаются мыслить движение без материи, т.-е. мыслить движение, как нематериальное начало мира. Материя как таковая устраняется и рассматривается как одно из проявлении «духовной» по своей природе энергии. Эту точку зрения проповедует А. И. Яшнов в «Основах термодинамики» (Гиз. 1926 г.).

В § 2 (стр. 7) автор дает понятие об энергии: «материя тел никогда не является для нас совершенно мертвой, безжизненной, а носительницей энергии, т.-е. того нематериального начала, которое познается нами как способность вещества совершать работу.

Определив энергию как «нематериальное», т.-е. духовное начало, автор пишет на стр. 8:

«Тем, кто желал бы хотя в общих чертах ознакомиться с историей и с новейшими, возникшими лишь в последние десятилетия взглядами на самую материю, как на одну из

форм энергии, можно указать на популярно-научные статьи проф. Писаржевского, помещенные в журнале «Природа» за 1912 и 1913 гг.».

Указываемые Яшновым статьи представляют собою изложение энергетического идеализма: материя — одна из форм нематериального (т.-е. духовного) начала — энергии.

7. О задаче и методе физики

Если основа мира — «интеллект, стоящий выше человеческого», то отсюда вытекает совершенно определенный взгляд на задачу и метод физики. Прежде всего — каково отношение физики к непознаваемому? На это отвечает авторитетный физик Хвольсон так:

а) Физика и непознаваемое.

«Таким образом вопросы чистой физики оказываются неразрывно связанными с такими вопросами, самая возможность решения которых представляется лежащей за пределами человеческого разума» (О. Д. Хвольсон. «Физика и ее значение», стр. 35).

Это изречение дополняет менее авторитетный Вавилов в предисловии к книге Милликэна «Электрон».

б) Загадочный фундамент физики.

«Теоретические построения новой физики заложены на весьма загадочном фундаменте — постулате теории относительности, теории квантов и теории электронов». «Но эти постулаты — результаты опыта и должны быть волей-неволей приняты a posteriori» (Из предисловия редактора С. И. Вавилова к книге Милликэна «Электрон». Гиз. 1925 г.).

Оказывается, значит, что тот самый электрон, который взвешивается и измеряется с удивительной точностью в книге Милликэна, — загадочный фундамент физики!

Ибо, согласно Вавилову (см. предисловие его), электрон должен разлететься на куски, а он не разлетается!

Чтобы помочь такому горю, выступает помощник редактора «Журнала Русского Физико-химического Общества» (т. LVII, вып. 3—4, 1925 г., стр. 393) Я. И. Френкель со статьей «Основы точечной электродинамики, электронов», в которой, как мы отметили выше, доказывается между прочим, что следствие может предшествовать причине, и тут-то карты

раскрываются, и обнаруживается смысл того, почему электрон, этот загадочный фундамент физики, должен обязательно разлететься на части.

в) Физико-математическое доказательство философии Лейбница-Босковича-Канта. Сущность материи—сила.

«Существуют определенные физические основания,—заявляет Френкель,—против обычного представления о протяженности электронов. Отказываясь от этого представления, можно построить электродинамику, трактуя электроны, как непротяженные силовые центры».

«Мы можем поэтому, следуя старой динамической теории материи, предложенной Лейбницем и в особенности Босковичем, считать протоны и электроны силовыми центрами, не имеющими протяжения».

Вот что говорит об этом превращении материи в силу В. И. Ленин («Материализм и эмпириокритицизм», стр. 287, изд. 1920 г., гл. «Два направления в современной физике и немецкий идеализм»): «В 1896 г. с необыкновенно торжественным ликованием выступил известный кантианец-идеалист Герман Коген в предисловии к пятому изданию «Истории материализма», фальсифицированной Фр. Альбертом Ланге. «Теоретический идеализм,—восклицал Коген,—стал колебать материализм естествоиспытателей и, может быть, скоро уже окончательно победит его». «Идеализм пропитывает новую физику», «атомизм должен был уступить место динамизму», «замечательный поворот состоит в том, что углублению в химические проблемы вещества суждено было привести к принципиальному преодолению материалистического взгляда на материю. Подобно тому, как Фалес произвел первую абстракцию, выделив понятие вещества, и связал с этим спекулятивные размышления об электроне, так теории электричества суждено было произвести величайший переворот в понимании материи и посредством превращения материи в силу привести к победе идеализма». «Г. Коген,—пишет далее В. И. Ленин,—так же определенно и ясно, как Дж. Уорд, отмечает основные (подчеркнуто В. И.) философские направления, не теряясь (как теряются наши махисты) в мелочных различиях какого-нибудь энергетического, символического, эмпириокритического, эмпириомонистического и т. п. идеализма.

Коген берет основную философскую тенденцию той школы в физике, которая связана теперь с именем Маха, Пуанкарэ и др., правильно характеризуя эту тенденцию как идеалистическую. «Превращение материи в силу» является здесь для Когена главным завоеванием идеализма—совершенно так же, как для тех естествоиспытателей «духовидцев», которых разоблачал в 1869 г. И. Дицген». Итак, один из таких «духовидцев» является помощником редактора издания Гиза и пишет математические доказательства своего учения. Хороша действительно идеологическая высота—высота «духа»!

г) Физическая теория—построение чисто идеальное.

«Мы знаем, что физическая теория—это построение чисто идеальное, элементы которого не имеют никакого по существу отношения к конкретным объектам, и предназначенная для того только, чтобы дать приблизительный образ реальности» (эпиграф к статье из Дюгема). «Подобно геометрии, механика есть система понятий, конструируемая человеческим умом и накладываемая на природу, как бы некоторая одежда» («Сборник статей по вопросам физико-математических наук и их преподавания», Гиз. 1924 г., статья редактора А. Бачинского «О принципах механики», стр. 7, 20).

А. Бачинский—автор статьи «Что такое натуралистический идеализм» («Сборник по философии естествознания», 1906 г.). Мы видим, что спустя два почти десятка лет Бачинский стоит на старой позиции «натуралистического идеализма» и проповедует его учителям СССР на страницах гизовских изданий, как один из редакторов.

д) Задача науки—дать численно-точное описание явлений.

«Конечно, как сказал Пуанкарэ, удобнее предположить, что земля вращается: для Пуанкарэ это удобство того же порядка, как удобство считать действительно существующим мир, познаваемый при помощи внешних чувств».

«Как известно, наука имеет своей целью исследование и предсказание явлений; этого можно достигнуть лишь с помощью численно-точного описания явлений. Объяснение картины мира заключается для ученого в

том, что он дает численно точное описание всего наблюдаемого» (Борель. «Пространство и время». Гиз. 1924 г., стр. 29, 149).

Книга Бореля, которую редактор—проф. Андреев—рекомендует как лучшую для ознакомления с теорией относительности, представляет собою обычное шатание буржуазного ученого между Сциллой идеализма и Харибдой материализма. И если уже издавать подобного рода произведения, то только с целью обнаружить это шатание путем соответствующего комментария, чего мы, конечно, не находим в издании Гиза.

ж) Внешний мир, Птолемей, Коперник и экономически-простое описание явлений.

«Чисто логически вообще можно отрицать существование внешнего мира, во всяком случае, доказать его существование невозможно. Несмотря на это, каждый верит в него и даже больше, чем в какой-нибудь логический вывод». «Но если логически системы Птолемея и Коперника одинаково допустимы, то, во всяком случае, одно обстоятельство решительно говорит в пользу последней—ее простота» (Фрейндлих. «Основы теории тяготения Эйнштейна», статья Вина, стр. 23. Гиз. 1924 г.).

Редактор книги В. Фредерикс, повидимому, склонен к мировоззрению, которое можно обозначить как «эстетический пессимизм». В своих «Основах теории относительности» (см. конец Введения) Фредерикс (и Фридман) выражается так: «Нам, к счастью, не дано видеть будущего, и мы не знаем, явятся ли эпоха аксисматизации, эпоха скепсиса предсмертными часами знания... Но если бы это даже было так, то логическая красота конца заставила бы нас приветствовать появление принципа относительности».

«Ощущения пространства, цветов, звуков, запаха, тепла и т. п. сами по себе суть первичные факты, не имеющие ничего им предшествующего, служащие исходной точкой всей дальнейшей мозговой деятельности» (стр. 38 книги Стеклова «Математика и ее значение для человечества». Гиз. 1923 г.).

Согласно Стеклову, «вопрос о том, действительно ли существует вне нас лежащий материальный мир, не имеет смысла» (стр. 130). «Он действительно существует по самому своему

определению, ибо существует определенная категория ощущений, ему соответствующих и непосредственно нами испытываемых». Итак, внешний мир—это только определение известной категории ощущений. Не стоит подчеркивать, что такая точка зрения есть точка зрения Юма-Маха, ибо акад. Стеклов совершенно откровенно, подобно Маху, критикует даже Канта, а выставляет в качестве самого выдающегося и гениального мыслителя Юма. Книга Стеклова—совершенно открытое изложение основ юмизма. Стеклов даже не считает нужным говорить о Махе и всех «новейших философах вплоть до Бергсона», ибо совершенно правильно считает, что достаточно говорить о Юме.

8. Пропаганда «основного постулята Дарвина: творец первоначально вдохнул жизнь в одну или ограниченное число форм»

а) «Каким бы образом ни произошли виды растений и животных, можно справедливо сказать, что они были созданы».

Это написано в книге Дж. Джэда «Возникновение и развитие идеи эволюции» (Гиз, год издания не обозначен, но, кажется, 1925, стр. 8).

Редактор книги Н. Бобринский горячо рекомендует Джэда и подчеркивает, что Джэд был другом Ляйелля и Дарвина, так что его свидетельства имеют «большую историческую ценность». О чем же свидетельствует Джэд? Не более и не менее как о том, что Ляйелль и Дарвин верили в бога, как создателя всех тварей.

«И Ляйелль и Дарвин, как мы вскоре увидим, несмотря на свое твердое убеждение в медленном развитии, а не во внезапном сотворении видов растений и животных, постоянно и вполне правильно писали о «создании новых форм жизни». Ляйелль утверждает, например, что «эта идея поразила меня как самое великое, что я мог когда-либо возыметь в мыслях, поскольку это относится к свойствам Верховного Разума». Дарвин же указывает: «Есть величие в этом воззрении, по которому жизнь с ее различными проявлениями творец первоначально вдохнул в одну или ограниченное число форм».

Эти цитаты из Ляйелля и Дарвина приводятся Джэдом не для характеристики личностей этих мыслителей, а чтобы подтвердить выставленный Джэдом тезис о том, что растения и

животные были созданы. Джэд подчеркивает (стр. 98), что не только простые смертные оценили теорию Дарвина, но «даже политики и богословы свидетельствуют о той огромной роли, которую великий труд Дарвина сыграл в перевороте идей».

Никаких редакционных замечаний, разъясняющих историко-материалистический смысл этих утверждений Ляйелля, Дарвина и Джэда, мы не находим в издании Гиза.

б) «Авторитетное» свидетельство Джэда находит в той или иной форме свое развитие в целом ряде сочинений, изданных Гизом. С «энергетической точки зрения» подходит к этому вопросу В. Л. Комаров в своей биографии Ламарка (Гиз. 1926 г.).

Энергетическое мировоззрение приводит естественно В. Л. Комарова к защите позитивизма, который является прикрытием энергетического идеализма.

«Для нас,—пишет Комаров в своей биографии Ламарка,—интересны следующие его (Ламарка) определения (стр. 128): «Вселенная есть недеятельная и лишенная всякого могущества совокупность всего материального, существующего в свете».

Вселенной противопоставляется природа, определяемая так: «Природу составляют: 1) движение, которое есть не что иное, как изменение перемещающегося тела; оно не свойственно ни материи, ни какому бы то ни было телу; оно в то же время неистощимо в своем источнике и распространено во всех частях тела»

Если сопоставить эти слова с тем, что пишет Яшнов, то станет очевидным, что движение или энергия понимаются здесь, как внематериальное, сверхматериальное и нематериальное начало. Что же является «неистощимым источником такого начала? Совершенно очевидно, что им может быть только источник всего «духовного»—бог. Но В. Л. Комаров, следуя Ламарку, не может, конечно, ввести бога в науку, а потому он становится на точку зрения агностического позитивизма:

«Перейдем теперь,—говорит В. Л. Комаров,—к последнему по времени замечательному труду Ламарка, к «Аналитической системе положительных знаний, имеющих своим источником непосредственно или косвенно наблюдение». Уже на 11 стр. русского перевода мы

находим следующие строки, которые сразу раскрывают перед нами основную мысль этой книги:

«Ограничил ли творец свои дела единственно созданием материи и природы? Это праздный вопрос и должен остаться без ответа с нашей стороны, так как мы решили приобретать знания исключительно путем наблюдения, а наблюдению доступны только тела и то, что их касается, а потому было бы одинаково безрассудно отвечать на этот вопрос как утвердительно, так и отрицательно» (стр. 129).

У Ламарка, жившего в эпоху буржуазной диктатуры, этот агностицизм мог быть несомненно прикрытием атеизма и материализма. Но вот В. Л. Комаров живет в условиях пролетарской диктатуры, и он не только не разрывает с этой «двойной бухгалтерией» позитивистского агностицизма, но усиленно хвалит позитивизм: «известна выдающаяся роль позитивизма в развитии современной философии.

Ламарк первый проложил путь к этому движению мысли».

Роль позитивизма в современной философии! — заметьте, не в науке, а в философии, ибо в науке значение позитивизма равно нулю. Роль эта заключается в идеалистической интерпретации итогов науки: махизм, энергетика, эмпириосимволизм, релятивизм — все это формы агностического позитивизма, прикрывающего идеализм и теологию. Это заключение хорошо подтверждается комаровской таблицей (стр. 135), изображающей «основные постулаты теорий Ламарка и Дарвина».

Мы указали в разборе книги Джэда на богословскую интерпретацию учения Дарвина. Оказывается, согласно Комарову, что первый основной постулат Дарвина—это то, что «жизнь возникла первоначально, вдохнутая творцом в одну или немногие формы (монофилия)» (стр. 135).

Ламарк же признавал, что «жизнь возникла и возникает вновь путем повторяющегося самозарождения (полифилия). Это как будто более материалистично, но если вспомнить вышеприведенное ламарковское определение природы (а «все организмы действительно являются произведениями природы», стр. 94), нетрудно понять, почему Комаров утверждает, что по существу

между учением Ламарка и Дарвина нет «никакого антагонизма» (стр. 136).

Природа или энергия, как нематериальное и сверхматериальное начало пассивной вселенной, по существу тождественна с «творцом», который вдохнул жизнь в одну или немногие формы. Всякий знакомый с энергетической философией, которая пытается «мыслить движение без материи» (В. И. Ленин), сразу же увидит, куда уходят корни комаровских рассуждений, имеющих на первый взгляд как-будто совсем материалистический характер.

в) В соответствии с богословской интерпретацией учения Дарвина А. П. Ильинский в своей биографии «Чарльз Дарвин» (Биографическая библиотека, 1926 г. Гиз) так оценивает заслугу Дарвина: «Его огромная заслуга состоит в том, что он навсегда изгнал вмешательство сверхнатурального из естествознания, дал возможность обобщить начавшие накопляться к тому времени факты, несовместимые с догматом творения, и твердо разграничил область веры и знания, отказавшись рассматривать за отсутствием фактических данных вопрос о появлении жизни на земле и «сущности жизни».

Эта оценка значения Дарвина насквозь антиматериалистична и может быть сделана лишь человеком, который полагает, что Дарвин «решительно отбрасывает догмат о творении видов» (стр. 65), да и только, и что касается творения вообще, то здесь учение Дарвина совпадает с богословской его интерпретацией, указываемой Джэдом и Комаровым.

В самом деле, с объективно материалистической точки зрения главное значение учения Дарвина не в том, что оно «твердо разграничивает области веры и знания», а в том, что оно уничтожает всякую веру; не в том, что оно отказывается от постановки вопросов о происхождении и сущности жизни, а в том, что оно впервые эти вопросы ставит на строго научную почву. И прямо чудовищно утверждать, что учение Дарвина отказывается рассматривать эти вопросы за «отсутствием фактических данных», ибо всем известно, что громадный толчок учению Дарвина дала теория Канта-Лапласа об эволюции солнечной системы и историческая геология Ляйелля. С точки зрения Пирсона, конечно, теория Канта-Лапласа и др., теория Ляйелля—это «отсутствие фактических

данных» для решения вопроса о происхождении жизни, но для материалиста они вполне достаточны. Комаров и проч. не знают сути и силы марксистского метода, а потому твердят о «загадках жизни» к великому удовлетворению теологов и священников.

Ведь элементарная азбучная истина марксизма говорит, что ни одна самая совершенная теория не может исчерпать действительности, что процесс познания историчен, и что дело не в том, чтобы сразу решить все «загадки», а чтобы уразуметь линию движения. И с точки зрения марксистского метода учение Дарвина, геология, космология решают именно вопрос о происхождении и сущности жизни, но не в том смысле, что это решение кладется готовым на стол, а в том смысле, что найдены основные звенья великой цепи эволюции: от первобытной туманности, выделения солнечной системы и земли, появления жизни, развития организмов — до современного буржуазно-капиталистического строя. Узнать подробности этого движения—только дело времени, которое приносит с собою все новые и новые звенья цепи, все более и более точное знание. Всякая же антимарксистская оценка дарвинизма, всякий «позитивизм» эквивалентны точке зрения теологии.

г) А. Борисяк в очерке «Из истории палеонтологии» («Очерки по истории естествознания» под ред. В. Л. Комарова Гиз. 1926 г.) поддерживает энергетическую философию редактора. Это прямо видно из того, как Борисяк относится к учению Дарвина. Говоря о книге Осборна «Происхождение и эволюция жизни», Борисяк замечает: «такая тема при современном состоянии биологических знаний, если вспомнить все тщетные попытки разрешения загадки жизни, звучит претенциозно. Но автор не только примиряет с нею, но заставляет признать необходимость ее постановки» (стр. 25).

«Надо признать, что наши успехи в той области (в области установления законов эволюции) очень значительны. Но вместе с тем причины эволюции остаются попрежнему для нас недоступными; все попытки подойти к этому вопросу на основании изучения «материи и формы», т.-е. на почве морфологических представлений, всегда оставались бесплодными».

«И вот Осборн решается сделать попытку осветить этот вопрос не морфологически, а энергетически». «Такова

тетракинетическая (четырех комплексов энергии) теория Осборна, которую он выдвигает на место оказавшихся бессильными морфологических теорий Дарвина, Ламарка и других натуралистов. Грандиозная задача—языком физико-химика рассказать историю жизни, которая излагалась до сих пор в выражениях морфолога; и, конечно, полное решение ее—дело не сегодняшнего дня».

Эти утверждения Борисяка могут некоторым простецам показаться чрезвычайно радикальными, материалистическими. На самом же деле перед нами очень тонкая идеалистическая игра. Сама по себе основная мысль Осборна, что «жизнь есть лишь своеобразное проявление энергии, когда некоторые известные виды энергии вступают в новые соотношения с химическими элементами», что «появление жизни, таким образом, не представляет собою результата чего-то нового, а это лишь продолжение процесса эволюции космоса»,—вполне материалистична, если, конечно, энергию понимать не так, как ее понимают Яшнов-Комаров. Эта мысль имеет то значение, что она направляет усилия ученых к искусственному лабораторному получению живого белка. Но когда «энергетическая» точка зрения Осборна раздувается в целую философию и противопоставляется «морфологическому» учению Дарвина, оказавшемуся бесплодным в вопросе о происхождении жизни, то это есть энергетический идеализм и притом самого метафизического пошиба. Для того, чтобы читатель сразу понял в чем дело, мы приведем следующую аналогию; представьте себе, что вам заявляют:

«Марксова теория общественного движения чисто «морфологична» и совершенно бесплодна для объяснения общественных явлений; а вот X. сочинил «энергетическую» теорию общества и об общественных явлениях говорит языком физико-химика и энергетика».

Наша аналогия—не фантазия, ибо энергетик Оствальд и др. делали попытки создать «энергетическую» теорию общественных движений. Но всякий марксист прекрасно понимает, что такие попытки или плод методологического невежества, или выдумка реакционной философии.

д) Ю. А. Филипченко. Беседы о живых существах. Гиз. 1926 г.

Тот, кто не желает знать марксизма, не в состоянии, конечно, нести в массы свет научного знания и вытеснить

укоренившееся библейское мировоззрение. Вот книга Филипченко. предназначенная для малоподготовленного читателя, которому из Библии известно кое-что о сотворении мира и жизни. Этот читатель естественно ожидает «научного» ответа на волнующие вопросы. Что же находит он в книге Филипченко? Увиливание от постановки основных вопросов. Филипченко хочет стоять на фальшивой антимарксистской «строго научной точке зрения» и за отсутствием «фактических данных» не хочет говорить о происхождении жизни, а говорит лишь о происхождении видов. Принужденный привести данные об эволюции земного шара, он не решается связать это звено с дарвиновским эволюционным звеном, а просто замечает: Когда земная поверхность достаточно остыла, «только с этого времени на ней и стала возможна жизнь, и, вероятно, именно в это время первые живые существа появились на поверхности земли» (стр. 83).

Откуда появились и как появились — на этот коренной вопрос, главным образом интересующий читателя, Филипченко не желает и, возможно, не умеет ответить,—он слишком «строго учен» для этого, т.-е. знать не знает и ведать не ведает о марксизме. Объективно, конечно, такой метод изложения биологии ведет к пропаганде богословской интерпретации учения Дарвина, тем более, что услужливый Гиз заготовил для читателя авторитетного Джэда, «друга Дарвина» и др., разъясняющих: основной постулат Дарвина — то, что творец вдохнул жизнь в одну или несколько первоначальных форм, которые затем эволюционировали.

е) Ульф. Мир живой и неживой (Гиз. 1926 г.).

Книжка предназначена для рабочего и крестьянина. Автор искренно хочет быть марксистом и материалистом, но, не зная совершенно марксистского метода и не получив руководящих указаний от редакции, не умеет осветить вопрос как следует. Все же книжка популяризатора Ульфа бесконечно научнее (в марксистском смысле), нежели книга «специалиста» Филипченко. При марксистской редакции работа Ульфа могла бы вполне правильно осветить вопрос о «загадке жизни». Ульф, в противоположность Филипченко, указывает все же на прогресс в деле установления связи между органическим и неорганическим (изготовление белков), на существующие две теории происхождения жизни—метафизическую («вечность жизни») и

диалектико-материалистическую (жизнь произошла из неорганического мира). Не зная, однако, марксизма, Ульф говорит ошибочно: «На этот главный вопрос (о происхождении жизни) ответа пока нет, есть только предположения, но со временем наука даст нам и на этот вопрос ответ. Наука наша еще молода. Но она быстро идет по пути новых знаний».

Эти слова с полной очевидностью показывают, как антимарксистски пропагандируют у нас науку даже те, кто искренно хочет сражаться с теологией оружием марксизма. Но такого рода пропаганда не только не может вытеснить теологических воззрений, но, видоизменяя их, укрепляет «авторитетом науки».

Ибо истинно марксистская пропаганда заключается не в том, чтобы объявить все вопросы решенными (вопрос о жизни будет, например, окончательно решен, когда мы сумеем практически изготовлять живой белок), а в том, чтобы линию науки противопоставлять линии теологии, метафизики и идеализма.

ж) Чулок в «Теории эволюции» (Дарвиновская библиотека. Гиз. 1926) проявляет чрезвычайную осторожность, уклоняется от обсуждения вопроса о происхождении жизни, говорит о «пропасти» между органическим и неорганическим (живой и мертвой природой), выставляет как «основной закон», что всякое живое существо возникает путем размножения из другого живого существа (стр. 49). Но все же необходимо признать, что книга Чулока гораздо научнее той литературы, где козыряют «загадкой жизни». В книге Чулока все же указан материалистический смысл учения Дарвина. Вот, что пишет Чулок в специальной главе (22): «Значение эволюционной теории для нашего миропонимания:» «Только при помощи эволюционной теории нам удастся сомкнуть две цепи развития в одну неизмеримую цепь: между цепью космологически-геологического развития и между цепью антропологического развития вставляется промежуточным звеном развитие биологическое. Только таким путем мы получаем картину, удовлетворяющую требованиям нашего разума, нашей потребности миропонимания. Вот почему эволюционное учение биологии представляет собою не просто отдел специальной науки зоологии, а нечто гораздо более важное, основной элемент миропонимания. Обоснованием

этого учения человечество обязано не кому иному, как Чарльзу Дарвину» (стр. 375).

За такую оценку смысла и значения учения Дарвина можно Чулоку простить несообразности, противоречия и неверные утверждения, встречающиеся в его работе (особенно в главе о Дарвине),—все это становится второстепенным перед основным материалистически правильным истолкованием. Правда, Чулок не употребляет слов «материализм», «марксизм», но важны ведь не словесные формулировки, а дело.

9. Если вселенная имеет начало, она должна иметь конец: пропаганда тепловой смерти вселенной, ее ограниченности во времени и пространстве

а) «В этом как бы трагедия мировой энергии: постепенно сохраняя свою величину, она по своему качеству все ухудшается, вырождается. В этом смысле и говорят о «тепловой смерти» вселенной, когда вся имеющаяся во вселенной энергия будет превращена в непригодную для произведения работы теплоту. Мы приближаемся к этому гипотетическому состоянию с каждым днем» (Ихок-Рубинер. Вечный двигатель. Гиз. 1925, стр. 168).

Фрида Ихок-Рубинер, повидимому, недостаточно знакома с такими достижениями современной физики, как открытие броуновского движения, светового давления, нулевой энергией эфира и т. д., так что она слишком поспешно (и, вероятно, вследствие философской наивности) заключает о тепловой смерти вселенной. Более посвященный в тайны физики и философии О. Д. Хвольсон предпочитает оперировать непознаваемым и кантовскими антиномиями. «О вселенной мы ничего не знаем, но именно это обстоятельство должно нас заставить рассуждать с величайшей осторожностью и, ничего не утверждая, допускать, однако, разного рода возможности».

«Только при полном незнании границ наших познавательных способностей можно попытаться распространить второе начало на всю вселенную и говорить о конце мира, вернее о конце вселенной» (О. Д. Хвольсон. Физика и ее значение, стр. 191). Таким образом, если конец мира вероятен, то все же мы должны надеяться на «очарова-

тельную божественную философию, которая не сурова и угрюма, как предполагают темные невежды, но музыкальна, как лютня Аполлона» (см. Ньюкомб, гл. 19).

б) П. Каптерев в книге «Земля и вселенная» (Популярно-научный очерк. Гиз. 1926) дополняет «конец мира во времени»—«концом в пространстве».

Когда дело касается «загадки жизни», то идеалисты начинают вопить о «строго-научной, фактической почве», от которой «истинному ученому» не следует сходить ни на иоту. Но когда на сцену выступает важный теологический тезис о конечности вселенной в пространстве и времени, конечности, необходимой для ее противопоставления бесконечности творца вселенной, то «строго-научная, фактическая почва» моментально забывается, и «истинные ученые» начинают высказывать самые невероятные фантастические предположения.

Так, данные космологии, исторической геологии, теории Дарвина недостаточны для решения вопроса о «загадке жизни», но вот, например, несколько малоубедительных математических спекуляций Эйнштейна вполне достаточно для обоснования конечности вселенной.

Каптерев пишет (стр. 57): «Эта соблазнительная мысль (о бесконечности вселенной) часто овладевала умами ученых, и особенно в XVIII веке любили строить «цепи» и «лестницы» миров, уходящие в бесконечность. Казалось бы, что здесь мы вступаем в область чистой фантазии (!), и нет никаких путей к научной постановке вопроса. Однако некоторые пути нащупываются благодаря новейшим открытиям физики, математики и исследованиям природы пространства, но только уяснение сущности этих открытий требует значительной подготовки, и изложение их вывело бы нас далеко за пределы нашей задачи. Важно указать лишь, что мир мыслится не бесконечным, и путь луча света—в конечном итоге не прямым, а криволинейным; мир замкнут сам собою потому, что пространство не бесконечно, а тоже замкнуто. Поэтому луч света уходит в беспредельную даль раз навсегда, но может обежать вселенную и вернуться туда, откуда вышел. Это очень трудно себе представить, так как совершенно нарушает наши обычные представления, но такое учение высказывалось и до Эйнштейна (кем? главным образом теологами!), а после того, как развитый им «принцип относительности» получил

значительное подтверждение из ряда астрономических наблюдений, стало распространенным среди ученых» (и теологов!). Защищая конечность вселенной в пространстве, Каптерев естественно склонен защищать ее конечность во времени. Для этой цели он прибегает «к тепловой смерти» вселенной: то, что имеет конец, должно иметь начало.

«Когда все виды энергии окончательно обратятся в теплоту, а эта последняя равномерно рассеется повсюду, то во всем пространстве установится равномерная температура, что означает полное прекращение всякого движения жизни, электричества и т. д., т.-е. полную смерть вселенной» (стр. 157).

Но некоторые факты науки (радиоактивность, нулевая энергия и др.) противоречат тезису о тепловой смерти вселенной. «Ученые обычно мыслят вселенную вечной, т.-е. не имеющей ни начала, ни конца во времени; если у нее не было начала, то конец давным давно наступил бы при таких условиях, и «тепловая смерть» и распад материи давно стерли бы всякие следы ее; на деле же мы видим вселенную, полную жизни—движения, и наклонности к гибели она не обнаруживает. Очевидно, следует подумать о возможности обратного процесса, т.-е. образования новой материи из остатков распавшейся, новых элементов, обладающих большой радиоактивностью» (стр. 108).

Постановка вопроса совершенно правильная, и с материалистической точки зрения ответ на вопрос совершенно очевиден. Но Каптереву, очевидно, очень нравится не только конечность мира в пространстве, но и во времени, а потому он никакого определенного ответа на вопрос не дает, а только критикует Нернста за его попытку уничтожить глубоко антинаучное представление о «тепловой смерти». «В этой теории (Нернста) много спорного и шаткого, особенно в привлечении эфира к вопросу об образовании новых атомов» (стр. 109).

Знакомые напевы! Как только дело доходит до интересов теологии, теории даже таких знаменитых ученых, как Нернст, становятся спорными и шаткими!

Незыблема, очевидно, лишь теория Вселенского Часовых Дел Мастера, бесконечности которого теология любит противопоставлять «конечность», «ограниченность» мира. Книга Каптерева служит хорошим примером того, как тонко в настоящее время поставлено «производство» идеализма и теологии.

в) У кое-кого могут возникнуть сомнения относительно правильности нашего анализа книги Каптерева «Земля и вселенная»: не подходим ли мы к материалу с предубеждением, не занимаемся ли «чтением в сердцах»? Услужливый Гиз дает нам возможность легко рассеять эти сомнения. Научно-популярное сочинение Ш. Нордмана «Путешествие вокруг вселенной» (Гиз. 1926 г.) полностью подтверждает правильность нашего анализа. Книга эта является естественным дополнением к книге Каптерева и ставит все необходимые точки над «i», разъясняя читателю смысл и значение того, чего он может не понять в недомолвках Каптерева. Разбирая в V главе вопрос о жизни и смерти звезд, Нордман говорит (стр. 104): «Нам остается указать еще на одно обстоятельство, относящееся ко всем космическим следствиям, вытекающим из обоих законов термодинамики (сохранения энергии и энтропии или рассеяния энергии): эти законы имеют силу только для замкнутых систем. Прежде чем распространить их на всю вселенную, надо было бы удостовериться в том, что она не бесконечна.

Каким образом можно говорить об энергии и энтропии бесконечной системы? Эти выражения теряют в последнем случае всякий смысл. Что следует подразумевать под полной энергией или полезной энергией вселенной, если последняя безгранична?

Эти затруднения должны были бы смутить как тех, которые с уверенностью говорят о вечности мира, так и тех, которые уверяют нас в неизбежной смерти вселенной. Космологические идеи Эйнштейна, согласно которым вселенная конечна, казалось бы, подтверждают взгляд последних. Но тогда перед ними встают другие вопросы, не менее затруднительные: если, по их мнению, развитие вселенной постоянно совершается, как этого требует закон Карно, в одном направлении, если температуры стремятся к равенству, а движение—к полному исчезновению, то почему эта тепловая смерть вселенной еще не наступила до сих пор?

Скажут, что мир существовал не всегда. Но это противоречит первому закону термодинамики, если только вся существующая энергия не возникла внезапно в самый момент «сотворения мира». Таким образом мы наталкиваемся здесь на наиболее щекотливые вопросы религиозного мировоззрения».

Итак, противоречия науки прямо приводят науку к религии, — вот что утверждает Нордман на страницах гизовского издания. Теперь становится вполне понятной усиленная реклама «конечности вселенной», будто бы доказанной Эйнштейном; усиленная защита «тепловой смерти вселенной»—все это необходимо, чтобы «натолкнуть» науку на «наиболее щекотливые вопросы религиозного мировоззрения».

Естественно, что ученый Нордман, «натолкнувшись» на эти «вопросы», посвящает целую главу (VI) вопросу о том, вращается ли земля? Теория Эйнштейна гальванизировала труп библейского мировоззрения и дала возможность начать пересмотр процесса Галилея. Всякий, кто сомневается в том, что на страницах гизовских изданий ведется пропаганда самого отъявленного обскурантизма, обязательно должен прочесть эту главу. Мы затрудняемся даже выбрать из нее цитаты, так как каждое слово в ней—настоящий перл мракобесия. Даже Мах и Пуанкарэ своей умеренностью не удовлетворяют Нордмана. «В то время как Мах, несравненный экспериментатор, но посредственный философ и математик, занимался только эмпирической стороной этой проблемы (вращения земли), Пуанкарэ подошел к ней с более широкой точки зрения. Его взгляды по данному вопросу являются своего рода априорным агностицизмом, трансцендентальным скептицизмом, потому что мы можем познавать то, что нас окружает, только отношения, но ни в коем случае не вещи в себе; эти орлиные взгляды положили свою печать на весь столь своеобразный ход мыслей Пуанкарэ в этой области» (стр. 114). Но даже обладатель «орлиных взглядов» не совсем последователен, по мнению Нордмана, что совершенно верно. Когда Пуанкарэ обвинили в том, что его утверждение «оба положения: земля вращается, и удобнее предположить, что земля вращается», являются пересмотром процесса Галилея и оправданием инквизиции, —Пуанкарэ попытался оправдаться путем хитроумной софистики. «Самозащита Пуанкарэ,— пишет Нордман (стр. 118),—против тех, кто его упрекал в отсутствии уверенности относительно правоты Галилея или, по крайней мере, относительно заблуждения его противников, эта самозащита, говорю я, была значительно слабее, чем ее считал сам Пуанкарэ».

«Как бы ни было красноречиво это знаменитое возражение Пуанкарэ, я имею смелость думать, что оно только подтверждает знаменитую формулу: «Такие два положения, как «земля вращается» и «удобнее предположить, что земля вращается», имеют один и тот же смысл» (стр. 116).

Что отсюда следует — об этом Нордман говорит устами Пенлевэ: «Если утверждение, что земля вращается, условно, то столь же условно и утверждение, что она существует, и оба эти утверждения приемлемы в силу одних и тех же причин» (стр. 118, подчеркнуто Нордманом).

Разбирая «Космологию» Эйнштейна, утверждающую конечность вселенной, Нордман восклицает: «Результаты такого мировоззрения необычайны и грандиозны» (стр. 121). В чем эта «необычайность» и «грандиозность», ясно из предыдущего, но они еще выпуклее обрисовываются в следующем замечательном изречении: «Галилей был прав, но и его противники, — я рассуждаю, разумеется, с научной точки зрения, — не были неправы».

«Вращается ли земля? Да, если это вам угодно; нет, если это вам не нравится...».

Последний афоризм необходимо поставить эпиграфом к характеристике изданий естественно-научного отдела Гиза.

Итак, с научной точки зрения невежественные инквизиторы, вдохновляемые библейской космологией, не были неправы. Они были, пожалуй, неправы только в том, что подвергли Бруно казни «без пролития крови», а Галилея — заточению и публичному унижению.

У «гуманного» Нордмана существует сейчас более сильное оружие защиты библейской космологии — «научная точка зрения», «последние выводы современной науки», — костры, пытки и тюрьмы сделались в этом случае ненужными.

Что же говорит по поводу «мировоззрения Нордмана» Государственное издательство РСФСР? Вот его «предисловие», которое мы выпишем целиком, ибо лучше не скажешь:

«От издательства. Нордман — один из немногих блестящих популяризаторов «большой науки». С замечательной смелостью и увлечением он берется переводить на язык понятных слов и ярких образов даже такие сложнейшие проблемы научного знания, как теория относительности и принципы небесной механики.

Но, к сожалению, талант популяризаторского красноречия, столь характерный для Нордмана, как для француза, заводит его нередко в дебри фантазии и рискованных философских рассуждений. Моментами Нордман впадает даже в легкий агностицизм, намекает на границы познания, на «непостижимое» или что-то в этом роде(?!). Иногда это, повидимому, делается просто ради красного словца, ради внесения интриги в научно-популярное повествование. Тем не менее, хочется предостеречь неискушенного читателя от обольстительной манеры Нордмана пользоваться понятиями, ничего общего с настоящей наукой не имеющими. Читателю дается книга, которую он прочтет с захватывающим интересом; читатель почерпнет из этой книги не мало любознательского энтузиазма, немало положительных научных сведений,—и этого достаточно, чтобы оправдать появление книги в русском переводе».

Комментарии излишни. Можно только воскликнуть: «Умри, Денис, ты лучше не напишешь!»

Но что это—глупость или измена? Будем надеяться, что это то, о чем говорит Нордман, цитируя Фонтенеля: «глупость в том комическом виде, который она приобретает у людей, есть вещь, по всем вероятиям, распространенная по всей вселенной».

«За отсутствием более точных данных,—говорит Нордман,— мы не можем не согласиться с ним». Присоединяемся пока к этому заключению остроумного француза.

10. Тепловая смерть вселенной и фрейдизм

Что общего может быть между тепловой смертью вселенной и фрейдизмом? Оказывается, что это общее существует, что оно заключается в тождественности этих двух учений, как орудий и методов идеалистической реакции. В самом деле, учение о тепловой смерти вселенной выросло путем распространения закона Карно, выведенного вначале из анализа процесса в тепловой машине,—на всю вселенную. Теологи подхватили закон Карно, усмотрев в нем прекрасное «научное орудие» для своей агитации. Точно так же фрейдизм вначале представлял собою чисто медицинскую теорию, способ лечения невротических заболеваний, и имел определенный практический успех. Этот успех окрылил реакционеров, и, как в случае

закона Карно, они стремятся превратить учение Фрейда в целую философию, распространить это учение на «всю вселенную». «Бессознательное» Фрейда не новость, оно проповедывалось до Фрейда Шопенгауэром и Гартманом, но оно гораздо опаснее, так как имеет видимость «строго научной теории» и притом такой, которая соприкасается с чрезвычайно важной сферой человеческой жизни — половой. Отсюда совершенно ясно, с какой тщательностью необходимо издавать «Психологическую и психоаналитическую библиотеку», посвященную фрейдизму. Что же мы видим? Гизовская библиотека выпустила до сих пор 23 сочинения, главным образом переводов работ Фрейда и его школы. Но подавляющее большинство их, почти все, изданы без марксистской критики и комментариев.

Предисловия, большинство которых написаны профессором Ермаковым, представляют собой образец ограниченного, некритического отношения к психоанализу как общественному учению. Что у Ермакова марксизмом даже не пахнет, это у него— как буржуазного ученого — понятно. Однако мы спрашиваем, почему Гиз издал работы фрейдистов или, по крайней мере, их работы, затрагивающие социальные вопросы, как-раз с предисловиями проф. Ермакова, который, кроме прекрасного, гениального и монументального, ничего другого в фрейдизме не видит, для которого критика этих работ по обществоведению просто не существует.

Не будем здесь много заниматься цитатами, но одну, как очень характерную для всего направления мыслей проф. Ермакова, приведем:

«Психоанализ,—говорит проф. Ермаков, — учит нас рассеивать мрак нашего познания и овладевать этими управляющими нами грубыми силами. Однако, для того, чтобы ими овладеть, их покорить, нужно научиться понимать их язык, понимать з н а ч е н и е, смысл того, что они обнаруживают и показывают» (Фрейд, «Лекции по психоанализу»). Проф. Ермаков усматривает главное зло в угнетающей власти этих мрачных бессознательных инстинктов и ни одним словом не упоминает, что угнетение человека происходит не из этого источника, а из отношений строя классового общества. Из таких взглядов на «угнетение» внутренними темными силами становится легко понятным отношение большинства фрейдистов (по крайней мере за границей) к революции, как к одному из видов психических

заболеваний. Издательство, повидимому, само чувствовало сомнение насчет годности проф. Ермакова писать предисловия по вопросам фрейдовской социологии, ибо известная книга Фрейда «Тотем и табу» была выпущена с предисловием другого автора—Г. П. Вейсберга. Вейсберг, правда, говорит о марксизме, цитирует Покровского, Степанова, Кунова, но он не сумел критически осветить теорию Фрейда с точки зрения названных авторов; получилось насильственное, чисто номинальное сватание марксизма и фрейдизма, а в конечном счете прикрывание реакционных идей авторитетом марксизма.

Резюмируя, можно сказать: фрейдистскую литературу, конечно, следует издавать, но издавать под редакцией опытного, образованного марксиста, не только желающего быть марксистом, но и умеющего им быть. Иначе выходит, что научное решение вопросов социальной жизни дал не марксизм, или дал поверхностно, а настоящий анализ и решение необходимо искать у Фрейда.

11. Общая характеристика идеологической тенденции естественно-научных изданий Гиза

Вышеприведенный материал дает возможность составить себе вполне определенное заключение об идеологической тенденции естественно-научных изданий Гиза. При этом необходимо принять во внимание тот фундаментальный факт, что в условиях диктатуры пролетариата и официального господства марксизма невозможно открыто выступать за идеализм против марксизма. Явным и тайным, сознательным и бессознательным адептам идеализма и теологии приходится поэтому вместо прямой фронтовой атаки прибегать к тактике обходных движений, к подземной «кротовой» войне, к маскировке,—это дает медленное, но тем не менее верное движение вперед. Совокупность методов идеалистической атаки можно свести к трем основным приемам: 1) пассивный метод: игнорирование и замалчивание материализма; 2) полуактивный—протаскивание идеализма исподтишка, отдельными тезисами, намеками, под видом «позитивизма», «строго научного объективизма» и т. д.; 3) активный—открытая пропаганда идеализма под прикрытием тех или иных научных авторитетов.

Эти три метода явственно выступают в естественно-научных изданиях Гиза.

1. Игнорирование и замалчивание материализма

Если обозреть всю литературу, выпущенную за последние годы естественно-научным отделом Гиза, то прямо бросается в глаза почти полное отсутствие четко выраженных материалистических изданий. Имеются кое-какие исключения, но они объясняются повидимому личной инициативой. Так, по настоянию т. Тимирязева изданы сборники «Наука и философия», по настоянию Б. М. Завадовского—книга Леба «Организм как целое».

В подавляющем же большинстве изданий в лучшем случае имеется позитивизм, но никак не материализм. Естественно-научный отдел издает серии «Современные проблемы естествознания, «Природа и культура», «Психоаналитическая библиотека» и т. п., но нет серии «Естествознание и материализм».

Такие мещанско-обывательские названия, как «Природа и культура», прямо показывают, что все эти серии предназначены для выражения пропаганды мелкобуржуазной, филистерской идеологии. Гиз должен быть боевым органом по пропаганде материализма, а в подавляющем большинстве изданий, не только оригинальных, но и переводных, нельзя даже найти слова «материализм», какого-либо материалистического предисловия или примечания. Полная серость, бесцветность, аполитичность даже в таких книгах, как «Материя» Сведберга или «История химии» Мура. Этот «плоский позитивизм», «ползучий эмпиризм» является объективно артиллерийской подготовкой к идеалистической атаке.

2. Протаскивание идеализма

Это протаскивание происходит по методу: капля долбит камень. В отдельной какой-либо книжке вы находите: а) «позитивное» изложение «выводов современной науки», б) как бы случайно брошенное замечание или тезис. Но если взять все такого рода книги в их совокупности, то «идеалистические капли» образуют целое море идеалистического нектара. Типичным образцом такого протаскивания идеализма является книга Аверинцева «Основы зоологии». Целый ряд примеров этого протаскивания мы привели.

3. Открытая пропаганда идеализма под прикрытием авторитетов

Образцами такой пропаганды являются книги Стеклова, Хвольсона, Джэда и др. Стеклов—академик, крупный ученый, а посему он пропагандирует совершенно откровенно юмизм в изданиях Гиза. Хвольсон — академик, европейски известный физик и пр., а поэтому «сам Ленин разрешил Хвольсону» на народные денежки пропагандировать народу агностицизм и кантианство. Джэд—«друг Дарвина», а посему он имеет право засвидетельствовать в изданиях Гиза, что Дарвин незыблемо верил в бога, который первоначально вдохнул жизнь в одну или немногие формы.

Даже Френкель, «печатающийся в самом Берлине», имеет полное право пропагандировать мистику (следствие предшествует причине) и приводить физико-математические доказательства правильности философии Лейбница—Босковича—Канта на страницах гизовских журналов и популярно излагать свои воззрения в «Красной ниве».

Одной из разновидностей этого метода пропаганды, и пожалуй наиболее опасной, являются «очерки по истории естествознания» и биографии великих ученых. Поручать редакцию и составление таких очерков и биографий немарксистам и нематериалистам—это хуже, чем поручать редакцию и составление «очерков по истории материализма» епископу Беркли, а биографию Маркса—Милюкову. Потому что Беркли может опровергать и искажать материализм, а Милюков—Маркса, но они не смогут скрыть того факта, что материализм существовал и существует, что Маркс все же был марксистом. Но если немарксисты и нематериалисты редактируют и пишут историю естествознания и биографии великих ученых, то перед ними очень удобный предлог «доказать», что величайшие представители научной мысли—«наши», что все они против материализма и т. д. Ведь общеизвестно, что естествознание выросло в условиях господства буржуазии, что естествоиспытатели, будучи на деле материалистами, на словах всячески отрекаются от материализма. Как проводится такой метод пропаганды, хорошо видно из вышецитированных работ Комарова и др. Отметим еще любопытную биографию Гельмгольца, написанную проф. В. Зерновым. Указанный нами прием настолько бьет в глаза, что редакция сочла нужным в самых опасных местах поставить свои примечания. Вот что пишет Зернов, прикрываясь

Гельмгольцем: «Материалистическое, как и идеалистическое мировоззрения он считал равноценными гипотезами» (стр. 72). «Материализм—тоже метафизическая гипотеза, которая оказалась удобной в решении некоторых естественно-исторических задач. Однако, принятый как догмат, материализм мешает развитию науки» (стр. 87). Между прочим, редакция сделала к этому месту весьма «глубокомысленное» замечание, что все это относится к «метафизическому» материализму, а не к «диалектическому», не уясняя себе совершенно, что речь идет не о противопоставлении различных форм материализма, а о противопоставлении материализма идеализму.

«В германских университетах,—пишет Зернов на стр. 88, цитируя Гельмгольца,—одинаково свободно могут излагаться крайние следствия материалистической метафизики, самые смелые спекуляции на основе эволюционной теории Дарвина и теории обожествления папской непогрешимости».

Здесь перед нами безусловно профессорское credo В. Зернова. «Материалистическая метафизика» и эволюционная теория Дарвина в материалистической, небогословской интерпретации («самые смелые спекуляции») сближаются с догматом папской непогрешимости! Редакция совершенно резонно замечает, что «современность с достаточной убедительностью опровергла все эти наивные иллюзии Гельмгольца о «свободе» буржуазной науки и т. д.», не подозревая, что в этом ее замечании содержится ядовитая насмешка над ней самой. Ибо никакая буржуазная редакция, особенно в эпоху революции, не поручала бы писать биографии Маркса—Ленину, а вот редакция Гиза в условиях мелкобуржуазного и капиталистического окружения, когда особенно важны четкость и заостренность марксистской идеологии, поручает писать биографии ученых заведомым немарксистам и даже нематериалистам!

Тут безусловно перед нами та «техника», о которой писал в «Правде» т. Гусев: лишь бы выпустить в свет очерки по истории естествознания или биографии, а какую эти очерки и биографии имеют ценность с марксистской точки зрения, это уж неважно. Но такого рода «техника» имеет глубокий объективный смысл и свои особые причины, от детального обсуждения которых мы пока воздержимся.

Несомненно одно—необходимо принять самые спешные и решительные меры к созданию подлинно марксистской редакции

естественно-научных изданий Гиза. Иначе Гиз никогда не сделается «центральным органом партии по идеологическому руководству печатью».

В заключение не лишне будет напомнить некоторые мысли В. И. Ленина, высказанные им в известной статье «О значении воинствующего материализма». Отметив реакционность книги Древса, В. И. Ленин говорит: «Это не значит, что не надо было переводить Древса. Это значит, что коммунисты и все последовательные материалисты должны, осуществляя в известной мере свой союз с прогрессивной частью буржуазии, неуклонно разоблачать ее, когда она впадает в реакционность».

В другом месте В. И. Ленин подчеркивает, что «журнал, который хочет быть органом воинствующего материализма, должен быть боевым органом, во-первых, в смысле неуклонного разоблачения и преследования всех современных «дипломированных лакеев поповщины», все равно, выступают ли они в качестве представителей официальной науки, или в качестве вольных стрелков, называющих себя «демократическими левыми, или идейно социалистическими публицистами». Эти мысли В. И. Ленина составляют основу и цель настоящей статьи.

Прибавим в заключение, что вышеприведенный материал о редакции естественно-научных изданий Гиза был в свое время сообщен Наркомпросу; никаких, однако, действительных мер не было принято, чтобы изменить существующее в Гизе положение вещей. Деборинский «идеологический совет» яростно травил «механистов», но палец о палец не ударил, чтобы организовать борьбу против идеализма и поповщины, пропагандируемых естественно-научным отделом Гиза. Естественно-научный отдел Гиза процветает в прежнем виде до сих пор. Зато усилились атаки на Тимирязевский Научно-исследовательский Институт, основная задача которых—ликвидировать то единственное в СССР естественно-научное учреждение, которое имело смелость открыто назвать себя: «Тимирязевским Научно-исследовательским Институтом по изучению и пропаганде естествознания с точки зрения диалектического материализма».

Вместо того, чтобы назначать комиссии по обследованию и ликвидации идеализма и поповщины в естественно-научном отделе Гиза (и в других теплых местах), Наркомпрос беспрерывно за последние два года посылает комиссии в Тимирязевский Институт, комиссии, в которых фигурируют между прочим деборинские механоборцы (во главе с А. Дебориным), и основная цель которых совершенно очевидна.

Что деборинцы нашли себе прекрасного союзника в лице Наркомпроса, видно из выступлений главы Наркомпроса тов. А. В. Луначарского.

А. В. Луначарский когда-то усиленно кокетничал с религией («Религия и социализм»), за что ему поделом досталось от В. И. Ленина. До сих пор А. В. Луначарский отождествляет диалектический материализм с эмпириокритицизмом (см. «От Спинозы до Маркса»). На вечере, посвященном памяти Л. Толстого, в школе его имени в Ясной Поляне т. Луначарский выступил со следующим заявлением:

«...Мы никому не препятствуем верить так, как подсказывает его сознание. Тем легче мы пошли на уступки, чтобы в данном месте, посвященном имени Толстого, не требовать никакой активной антирелигиозной пропаганды. Мы глубоко убеждены в огромной силе наших принципов и нашего дела и не считаем поэтому большим ущербом для себя, если будет существовать школа, тщательно ограждающая себя от борьбы за атеизм».

Комментарии, полагаем, излишни.

Неудивительно поэтому, что тов. Луначарский сделался философским союзником деборинцев.

В статье, посвященной И. И. Степанову-Скворцову («Прожектор», № 45, 1928 г.), Луначарский пишет:

«Иван Иванович всегда хотел укрепить естественно-научный материализм в массах, всячески вышибить, откуда только можно, хотя бы тень идеализма. В этом смысле он был воинствующим материалистом по преимуществу. Марксистский материализм, диалектический, он принял с глубокой радостью. Он чутко понял, что эта более высокая форма материализма разбивает некоторую мертвенность, некоторый метафизический застой, некоторую чрезмерную вещность старого материализма. Ему нравилось, что на первый план выдвигаются именно процессы развития, понятие о котором ему было очень дорого с детских лет.

Но когда защитники и уяснители особенности марксистской диалектики по сравнению с доминирующим типом естественно-научного материализма (читай: «но когда деборинцы») стали определенно отходить от некоторых устоев последнего, когда они стали напирать на радикальное значение качественных изменений, а отсюда—на совершенную обособленность таких явлений, как жизнь или сознание, с качественной точки зрения, на их качественную несводимость к низшим элементам, из которых они, однако, совершенно закономерно возникают,—то эта идея показалась Ивану Ивановичу, учителю, пропагандисту добытых наукой результатов, весьма сомнительным отступлением от того материалистического монизма, который слишком просто хотел свести все качественное разнообразие мира к видимости, за которой скрываются только отдельные комбинации некоторых первоэлементов.

На мой взгляд, Иван Иванович в данном случае глубоко ошибался»

На наш взгляд, подтвержденный солидными фактами, Иван Иванович Степанов-Скворцов обнаружил поразительное чутье старого большевика, марксиста-ленинца, которого никакими «диалектическими» фразами не проведешь, и который умеет видеть корень вещей.

---

7. ЕСТЬ ЛИ СИСТЕМА В ФИЛОСОФИИ ДЕБОРИНСКОЙ ШКОЛЫ?

Подводя итоги, дадим общую характеристику деборинской системы философии.

Тов. Деборин и его ученики утверждают, что они являются ортодоксальными диалектическими материалистами, что они защищают философию Маркса от всяческих ревизионистских тенденций. Мы видели в предыдущих статьях, насколько верно это утверждение. Их «защита» марксизма состоит в том, что марксизм признает объективную случайность, атрибутивность мышления, т.-е., говоря коротко, всеодушевленность материи (Деборин, Карев), и что учения о понятии марксизма и средневекового реализма «формально» совпадают; что в этом пункте схоластики-реалисты правы (Скурер); что не надо упереться в характеристику материи как протяженности (Милонов).

Казалось бы, что все эти разные вывихи, чудовищные извращения, схоластизация наиболее антисхоластической философии, философии Маркса, представляют собой случайные заблуждения, отдельные промахи. Когда деборинцев прижимают к стене по поводу того, что писал один или другой из них, то они обычно так и отмахиваются: человек ошибся, но в общем он защищает марксизм.

Но если приводить все им сказанное в связную форму, то, оказывается, перед вами довольно стройная, продуманная система—«ошибок», или, говоря попросту, философская система, но противоположная философии марксизма. То обстоятельство, что философия эта была создана не одним человеком (хотя львиная доля принадлежит тов. Деборину), а целой «школой» (правильнее, школой была только смелее сформулирована и пропагандирована), не меняет сути дела. Ведь они солидарны, они защищают друг друга, и если уже никак нельзя защищать, как, например, Скурера и Асмуса (раскритиковавшего теорию Энгельса в пух и прах на страницах «Вестника Комакадемии», № 23), то объявляют их ошибки случайными. Мы на этих страницах докажем, что эти ошибки

не случайны, что они вместе образуют философскую систему, и что, таким образом, т. Деборин и его сторонники объективно выступают, как враждебное марксизму воинствующее мировоззрение.

Наша задача—доказать, что полная система тов. Деборина и его учеников представляет собой сложившуюся, почти уже законченную антимарксистскую систему взглядов. Ее мы и стараемся изложить по пунктам и сопоставить с тем, чему учили Маркс, Энгельс и Ленин.

1. Мышление как атрибут и как следствие «четвертого пункта» критики механического материализма

Первый пункт касается вопроса о механическом материализме. Как известно, Энгельс и Ленин резко критиковали эту старую форму материализма, как однобокую, как недостаточную. Тов. Деборин и его сторонники тоже критикуют его по тому поводу, будто мы, по их мнению, вернулись к этому воззрению. Это было бы правильно, если бы они доказали, 1) что мы действительно вернулись к нему, и если бы 2) они критиковали механический материализм в том же смысле, как его критиковали Энгельс и Ленин. Беда только в том, что Деборин и деборинцы 1) не доказали и не докажут, что наше направление есть механический материализм (ибо оно есть материализм Маркса, Энгельса, Плеханова и Ленина в строго ортодоксальном смысле этого слова), 2) критикуют механический материализм совсем не за то, за что его критиковали Энгельс и Ленин. Как известно, наши учителя критиковали механический материализм по трем пунктам. Во-первых, потому что этот старый тип материализма является «дохимическим», т.-е. старался (и в то время не мог не стараться) «применять исключительно масштаб механики к процессам химической и органической природы» (Энгельс и Ленин). Во-вторых, потому, что этот материализм был антидиалектичным, не зная о переходе, о скачке количества в новое качество на определенной ступени процесса, о взаимном проникновении или единстве противоположностей и т. д.; в-третьих, потому, что этот материализм был материализмом только снизу, а идеализмом—сверху, т.-е. в области общественных явлений. Естественно-научный материализм (что с точки зрения марксизма представляет собой составную часть диалектического

материализма) не был дополнен историческим материализмом, не достраивался до исторического материализма (Ленин). «Исключительно в этих пределах отвергает Энгельс и материализм XVIII века и учение Бюхнера и К-о», — писал Ленин. «По всем остальным, более азбучным вопросам материализма (извращенным махистами) никакой разницы между Марксом и Энгельсом—с одной стороны, всеми этими старыми материалистами—с другой нет и быть не может» («Материализм и эмпириокритицизм», гл. «Двоякая критика Дюринга», стр. 200—201). Тов. Деборин и «школа» дополняли эту совершенно правильную критику основоположников марксизма еще четвертым пунктом. Они обвиняют механический материализм в том, что он отрицает атрибутивность мышления, т.-е. что он смотрит на процесс сознания, как на нечто производное, а не первоначальное свойство всякой материи, и учит, что мышление является свойством особо организованной, высшей формы материи. В действительности же мышление, по воззрению деборинизма, не есть результат особого рода сложного движения высокоорганизованной материи (мозга). Тов. Деборин устанавливает наряду с движением особый процесс, не являющийся движением в пространстве. По мнению т. Деборина, тут имеется некий остаток, не являющийся движением.[1] Что мышление не есть механическое движение, это верно. Но оно есть определенная (очень сложная) форма движения. Ведь существует не одна только механическая форма движения—перемещение. Тем не менее все формы движения происходят в пространстве. Тов. Деборин и его соратники отрицают качества: жизнь и сознание как физико-химические процессы своеобразного характера. Мы же полагаем, что деборинская критика представляет собой критику не только механического материализма, но и материализма вообще, ибо,—по определению Энгельса,—природа, т.-е. движущаяся по своим закономерностям материя, для материализма есть первичное, а дух, мышление—вторичное, производное. Вторичное, производное же означает, что оно производилось, т.-е. что оно возникло, возникло во времени, т.-е. в определенное время, при определенных условиях, т.-е. что на определенной

[1] См. статьи т. Деборина: «Энгельс и диалектика в биологии. «Под знам. марксизма», гл. обр. № 10/11. 1925. «Химии недостаточно для исчерпывающего объяснения жизни» (стр. 23). См. также № 1/2. 1926.

планете оно не всегда существовало, между тем как материя, в каких-нибудь качественно определенных формах, т.-е. в той или другой форме своего бытия, всегда существовала, никогда не возникала. Это как-будто азбучная истина материализма. И вот в этом, именно в этом пункте критикует школа Деборина «механический» материализм. Тут, следовательно, под предлогом критики механического материализма критикуется основа всякого, в том числе и диалектического материализма. Это во-первых.

Все остальное является уже следствием этой первой ложной, идеалистической («дуалистической») по существу позиции Деборина и его учеников.

2. Несводимый атрибут

Вытекает в первую очередь то, что мышление—не «сводимый» атрибут материи, т.-е. что мышление не объяснимо из свойств движущейся материи.

В этом пункте т. Деборин вернулся к философии Спинозы. Но он и его сторонники вернулись к ней еще в одном важном вопросе. Это — вопрос о форме существования самой материи. По мнению «школы», материя неделима так же, как и субстанция Спинозы, которую они отождествляют с материей. Возражая т.т. Великанову, Перельман и Рубановскому, утверждающим, что отношение между субстанциальными частицами, т.-е. молекулами, атомами и т. д., существует объективно, но самое их отношение не есть субстанция, т. Карев отвечает: «Марксизм не может говорить об отношении между предметами как субстанциями, потому что марксизм признает только одну субстанцию—материю. Такова точка зрения марксизма» (см. выступление т. Карева в Обществе воинствующих материалистов. Напечат. в «Под зн. марксизма», № 4, 1927 г., стр. 218). Из этого следует, что атомистическую структуру материи приходится отбросить. Ведь неделимая субстанция—материя не может, по Кареву, состоять из частей. Но это то же самое, что и утверждали махисты и энергетики, только с той разницей, что, например, Оствальд и другие естественники — приверженцы его философии, после открытия катодных лучей, радиоактивности и изучения броуновского движения, отказались от своей энергетики, от отрицания «зернистой» структуры материи. Наши же противники—«диалектики» все ожесточеннее борются за неделимость

материи, т.-е. по существу против всего содержания новейшего естествознания. При этом их не смущает и то, что это содержание является не априорной конструкцией, а в значительной своей части экспериментально доказано. А практика как критерий истины—это Гекуба?—спрашивает удивленный читатель. В том-то и беда, что «школа» плюет на этот критерий. Читатель сомневается? Вот их слова: «Эти элементы диалектики (речь идет о законах диалектики, о скачках, о единстве противоположностей) никак не могут быть согласованы с утверждением, что вся материя состоит из тождественных мельчайших частиц, а именно из положительных и отрицательных электронов (статья Максимова. «Под знам. марксизма», 1926, № 1/2, стр. 209). Таким образом электронная теория, оказывается, противоречит, «никак не может быть согласована» с законами диалектики, т.-е. она неверна. Но ведь,—может возразить читатель,—она же экспериментально доказана. Удалось же Розерфорду выбить электроны из атомов и наблюдать сцинтилляцию, вызванную ударами атомов и протонов! Все это не имеет значения с точки зрения «марксизма» т. Максимова, а также т. Деборина. Вот что т. Деборин пишет по этому вопросу: «Вопрос о возможности «сведения» химии и биологии к механическим законам есть вопрос принципиальный. Его методологическая постановка и разрешение не могут находиться в зависимости от того, достигнуто ли уже или не достигнуто еще практически такое «сведение» (Деборин. «Под зн. маркс.», № 10/11, 1925, стр. 18). Вот как обстоит дело с несчастным критерием практики! Тов. Деборин выкинул его вон из—марксизма. И он еще говорит, что защищает ортодоксальный марксизм против ревизии. А выбрасывание практики—это тоже защита марксизма, что ли?

Значит, необходимо зафиксировать, что с точки зрения деборинизма (но вовсе не с точки зрения марксизма!) важнейшая, опытно доказанная, даже использованная уже в течение двадцати лет промышленностью, часть физики, учение об электронах и протонах—неверно. А почему? Потому что противоречит деборинской философии! И это—выдается за ортодоксальный марксизм! Необходимо еще подчеркнуть, что марксизм, как и естествознание, не учит бескачественности элементарных частиц. Они обладают некоторыми основными качествами (заряд, лучеиспускание, притяжение, отталкивание и т. д.). Никто

не утверждает и того, что атомы—отдельные субстанции. Они—части единой субстанции, существующие лишь в целостности всей материальной вселенной. Атомы, электроны представляют собой образования, не самостоятельные, а относительные элементы; они вечны в том смысле, что вечно возникают и разлагаются, но они устойчивы в течение большого промежутка времени.

3. Вопрос о качестве

Один из основных пунктов разногласия состоит в вопросе о сводимости и несводимости качеств. Несводимость сложных качеств вытекает из основной установки новой философии. В самом деле. Раз мышление—атрибут, не «сводится» к движению особенно организующейся материи, то ясно, что качество «мышление»—не историческое явление, т.-е. не объяснимо, а представляет собой вечный атрибут материи независимо от условий организации. Между количеством и качеством искусственно воздвигается китайская стена. Как это согласовать с законом диалектики о переходе, о перерастании количества в качество, это только тов. Деборин и аллах ведают.

Вообще необходимо указать на тот искусственный туман, который пускается деборинцами под таинственным названием «сведение». Деборин и его ученики изображают дело так, будто сведение качества обозначает его уничтожение, между тем оно означает для каждого не застрявшего в схоластике человека—объяснение, разложение и соединение сложного из его составных частей. Химик «сводит», т.-е. попросту разлагает воду на водород и кислород и опять синтезирует их в воду, при чем синтез происходит при определенной температуре. Уничтожается ли этим вода? Наоборот, химик таким путем по примеру природы создает ее. Зачем нужна эта шумиха о сведении, о его невозможности? Вот почему! Раз слово «сведение» укоренится в сознании людей как вредное, недопустимое уничтожение, значит, надо остерегаться его и кричать караул и механический материализм. На самом же деле в воде (дестиллированной), кроме водорода и кислорода, абсолютно ничего нет, вода «сводится» к ним. Но, конечно, «сводится» означает, что при соединении водорода с кислородом вода не уничтожается, а как раз наоборот, создается. Кажется, и это азбучная истина. Верно, — возразят наши

противники,—но вы пожалуйста создайте таким путем организмы. И они торжествуют, потому что химия еще не умеет создать живое тело. Но в том-то и дело, что философы такого пошиба всегда торжествовали по поводу того, что наука еще не могла делать, а поскольку она впоследствии оказывается в состоянии решать требуемую ими задачу, они говорят: да, это удалось, но вот еще имеется такая-то и такая-то задача, а ее вы не решите никогда! И в самом деле при такой мудрой тактике они всегда выходят (по их фантазии) из затруднительного положения, ибо верно, что всегда найдутся новые и новые, еще не решенные проблемы. Только надо было бы сообразить, что все это—весьма не остроумная игра; что гораздо легче принимать скептическую позу и смотреть свысока на все достигнутые, благодаря труду других, результаты естествознания, чем самим делать что-нибудь в этом роде.

4. Жизнь. Род как собирательное животное. Новый витализм

Если качество нового вещества не «сводится» к синтезу его составных частей по определенным качественно-количественным законам, то из этого естественно вытекает, что и жизнь не «сводится», т.-е. не объяснима и не создаваема из физико-химических начал. Органический же род есть,—для т. Деборина,—«собирательное животное», т.-е. виталистический демиург, создающий отдельные индивиды. С нашей же точки зрения, род есть объективная, закономерная целостность индивидов, существующих только в этой целостности, развивающихся по единому закону, вследствие чего и называются индивидами определенного рода. Но род не есть коллективное животное, т.-е., попросту говоря, творческая сила, порождающая, выпускающая из себя отдельные индивиды. Взгляд, что род есть коллективное животное, называется на обычном, нестыдливом языке именно витализмом.

Маркс неутомимо подчеркивает, что общественные категории представляют собой отражения реальных общественных отношений. «Простые категории,—пишет он,—являются выражениями отношений, в которых может реализоваться неразвившаяся конкретность без установления более многостороннего отношения или более многосторонней связи, предельным выражением которой служит конкретная категория...

Более простая категория может выражать господствующие отношения вместо развитого целого, отношения, которые исторически уже существовали раньше, чем целое развилось в том направлении, которое выражает более конкретная категория. Постольку законы абстрактного мышления, восходящего от простого к комбинированному, соответствуют действительному историческому процессу» (введение в «Критику политической экономии», стр. XXXIX). Я спрашиваю: разве для Маркса класс— живое коллективное существо, как у т. Деборина? Или же реальное общественное отношение людей? Такое извращение, такой скат от марксизма нельзя назвать иначе, как чудовищным. И все это вопреки совершенно ясно определенной точке зрения Маркса, предупреждавшего об антиматериалистической сущности метафизической концепции рода в «Святом семействе», в котором он так жестоко высмеивает конструкцию «плод вообще».

То, что род есть собирательное существо, есть точка зрения витализма. Виталисты только и хотят получить такое признание. Им больше не нужно. Если школа Деборина не высказывает этих следствий, то это свидетельствует лишь о том, что они не желают быть последовательными. Деборин и тов. К. в «Под знам. маркс.» стараются выползти из этого неудобного положения, говоря, будто и мы так понимаем слово «сведение» (которое, между прочим, мы почти не употребляем, а они всовывают его нам), как они стараются изобразить дело. «Разложение живой материи, конечно, дает только мертвые продукты, и поэтому разложение ее вновь на составные части не дает еще полного ее объяснения». Это так. Но почему это аргумент против тех, кто не принимает их полувиталистическую (половинчатую) концепцию? Никто не утверждает, что анализ без синтеза дает полное объяснение. Синтез требует умения создать те особенные условия, при которых он, этот синтез, происходит. Но как знать эти условия, если не путем их наблюдения при разложении вещества? Синтез должен восстановить те условия, которые уничтожились при разложении. А разложение нужно нам для того, чтобы знать составные части разлагаемого и условия их единства в сложном веществе. Ясно, что иначе наука не может подходить, да и опыт—столь презираемая этими товарищами экспериментальная практика— доказывает ежедневно правильность и единственную правильность этого подхода в области природы.

Точка зрения деборинизма в вопросе о жизни есть полупризнанный, полусознательный, стыдливый витализм, эклектическая похлебка и не больше.

5. Объективная случайность

Из этого половинчатого положения вытекает еще одно важное следствие. Т. Деборин и его сторонники признают существование объективной случайности. По мнению главы школы, тов. Деборина, например, неудача германской революции 1918 г. обязана тому обстоятельству, что президентом республики оказался Эберт, заключивший союз против революции с генералом Гренером.[1] Если бы не было Эберта и Гренера, немецкая революция удалась бы. Значит, есть и случайные явления, ибо тот факт, что у Эберта был такой контрреволюционный уклад ума, с точки зрения истории является «случайным». «Изменения эти (речь идет о видовых изменениях в царстве природы),—пишет дальше т. Деборин,—мы считаем случайными не потому только, как это подчеркивает Дарвин, что причины их нам неизвестны. Они случайны в более глубоком объективном смысле» («Под знам. марксизма», № 1/2, 1926 г., стр. 86). Каким образом т. Деборин сочетает этот свой взгляд на объективную случайность со всеобщим принципом причинности (т.-е. именно с тем, что нет случайных явлений), об этом он пока не сказал. «Случайные» и необходимые события у него сидят рядом, ибо нельзя считать объяснением голое утверждение, что случайность есть особый вид необходимости. А это-то нужно было бы доказать.

6. Отрицание универсальности первого закона диалектики

Из отрицания разложимости и восстановления качеств, в частности отвержения объяснимости таких важнейших сложных качеств, как жизнь и мышление, вытекает (и школа в самом деле и вывела, хотя и в форме сомнения. См. книгу т. Луппола «Ленин и философия», стр. 79) отрицание универсальности первого закона диалектики—перехода количества в качество. Жизнь и

---

[1] См. «Под знам. марксизма» № 1/2, 1926 г. стр. 80.

мышление не «сводимы», т.-е. мышление является рядом с движением вечным атрибутом материи, независимо от степени ее организации. Из этого следует, что и живая материя не может быть создана из неживой (хотя по непоследовательности в мышлении деборинцы допускают возможность такого создания), ибо ясно, что поскольку мышление является первоначальным, т.-е. не «сводимым» качеством, то и жизнь не может быть «сводима». Ведь жизнь представляет собой основу мышления, без жизни нет мышления. Но если оба эти, в действительности сложные качества не зависят от степени организованности материи, то из этого следует, что их нельзя получить с помощью количественного и качественного усложнения неживой материи. Законы количественных изменений, обусловливающие на определенном уровне новые качества, таким образом, для жизни и мышления не имеют места. Таким образом упраздняется универсальное значение такого важного закона диалектики, каковым является закон перехода количества в качество, т.-е. один из трех основных принципов диалектики.

7. Статическое, формальное понимание второго закона диалектики

В качестве основного принципа, поэтому, выдвигается ими второй закон. Верно, что второй закон имеет громадное значение, без него нет диалектики. Но недиалектическим является самый способ квалификации школой Деборина законов диалектики. Три закона диалектики на наш взгляд взаимно предполагают друг друга, а это вытекает как раз из второго закона; ибо законы диалектики действительны в отношении всех процессов без изъятия, в том числе и для установления связи между ними. Об этом т. Деборин нигде не говорит. Дальше т. Деборин подчеркивает не столько момент перехода, без которого второй закон теряет свой смысл, сколько результат этого перехода: тождество переходящего при переходе. В действительности же процесс, переходящий по строгой закономерности в противоположность, вовсе не является просто тождественным с последней, ибо в начале ее (противоположности) еще нет, а именно одно переходит в другое, превращается в него и тогда становится с ним тождественным. Секущая не тождественна касательной, а постоянно близится к ней и, наконец, переходит в нее, но ни секущая не есть уже касательная, ни

касательная не есть еще секущая. Натрий и хлор вместе взятые, но не соединенные, еще не соль, они только переходят в соль при определенных условиях температуры.

Статическое, т.-е. не диалектическое, а формальное понимание закона единства или взаимного проникновения противоположностей делает излишним тщательный анализ моментов действительного перехода через скачок из одной области явлений в другую. Такое статическое понимание резко отделяет разные области друг от друга, отделяет их непроходимой пропастью, что и необходимо для сохранения и обоснования их любимой теории несводимости жизни и мышления. Верно, что тождества между живым и неживым не может быть. Однако есть переход от неживого к живому. Но это именно и не популярно у деборинцев, так как противоречит их теории о первоначальном существовании, т.-е. невозникновении жизни и сознания, тому, что сознание есть извечный атрибут. Здесь лежит один из решающих источников ревизии школой Деборина ортодоксального марксизма. Насколько важно как раз правильное понимание второго закона диалектики, можно выяснить себе из многих мест «Анти-Дюринга» и «Диалектики природы». Мы берем только одно из них, особенно ярко и резко отвергающее ревизию «школой» второго закона диалектики. «Именно полярные противоположности, представлявшиеся непримиримыми,—резко определенные пограничные линии и отличительные признаки классов,—придавали современному теоретическому естествознанию его ограниченный характер (т.-е. именно то, что между живой и неживой материей установилась непроходимая преграда — «несводимость»). Признание того, что эти противоположности и различия хотя и существуют в природе, но имеют только относительное значение, что, напротив, *эта их воображаемая резкость и абсолютное значение только привнесены в природу нашей рефлексией,—признание этого составляет центральный пункт диалектического понимания* природы. К этому признанию можно притти, будучи к тому вынужденным накопляющимся фактическим материалом естествознания; но его можно легче достигнуть, неся навстречу диалектическому характеру этого материала понимание законов диалектического мышления» (*Энгельс*, «Анти-Дюринг», предисловие ко 2-му изд. Подчеркнуто нами).

Нам думается, что в этих строках Энгельс как нельзя более решительно выступает против «несводимых» качеств, против «тех полярных противоположностей, представлявшихся непримиримыми», которые придавали современному естествознанию его ограниченный характер.

Естествознание стало на путь диалектики, правда, не сознательно, ибо к ней можно притти, по признанию Энгельса, также «будучи к тому вынужденным накопляющимся фактическим материалом естествознания». Но естествознание все больше становится на путь сознательного применения диалектики, который предвидел Энгельс. Школа Деборина объективно стащит его с этого пути назад, на старый, метафизический путь, к воображаемым абсолютным граням.

Об этом же говорит в этом же смысле Ленин.[1] Отсюда мы можем констатировать, что новая школа отреклась от универсального значения закона диалектики о переходе количества в качество (признанием «несводимости» жизни и мышления) и преобразовала второй принцип, вводя непреходимые грани, воображаемую резкость, всякие несводимости туда, где на самом деле имеется взаимное проникновение и на этой основе синтез противоположностей.

8. Тождество Маркса и Дунса Скота у Скурера

Из отрицания этого же принципа и подмены его противоположным принципом вытекает уже упомянутый нами взгляд т. Деборина на отношение всеобщего и единичного, на род и вид в биологии. Род и вид представляются т. Дебориным не как объективная физико-химическая закономерная связь между материальными элементами, не как свойство живых зародышей, из которых вырастают большие организмы путем сложных процессов ассимиляции из внешней среды необходимых веществ питания,— а как живое существо, как «собирательное животное». Тов. Деборин принимает теорию И. Дицгена о том, что «не только отдельные экземпляры, но и животное вообще является живым существом. Это собирательное животное... представляет собой организм, состоящий из многих членов». Т. Деборин, ухватившись за эту ошибку Дицгена, раздувает ее до чудовищных размеров.

---

[1] См. «К вопросу о диалектике». Сочинения, том XIII, стр. 301—304.

Ибо мысль Дицгена он так и продолжает: «Общественный класс... живое коллективное существо». «Род как всеобщее содержит в себе единичное—индивид и вид как частное». «Под знам. марксизма», № 1/2, 1926 г., стр. 63, 66).

Это уже чисто виталистическая концепция: к тому же она ничего не объясняет, ибо подлежит объяснению как раз то, почему и как живые существа, т.-е. индивиды рода и вида, развиваются, размножаются и умирают. Тов. Деборин смешивает факты, подлежащие объяснению, с самым объяснением. Род и вид превращаются им в некие творческие силы, творящие свои индивиды. Это и есть учение средневековых схоластиков-реалистов о роде и виде, что и нашло возобновителя в лице т. Деборина. Но если т. Деборин высказывается еще несколько туманно, то один из его учеников, под псевдонимом Скурер, в статье «Спиноза и диалектический материализм» уже прямо признает, что в вопросе о понятии решения диалектического материализма и схоластического реализма могут формально совпадать («Вестник Комакадемии», № 20, стр. 60). Что означает «формально»? Решение Маркса с одной стороны и решение Дунса Скота, Фомы Аквината ни формально, ни неформально не совпадают, а непримиримы так же, как непримиримо решение Маркса и с решением концептуализма и номинализма. Очевидно т. Деборин и его единомышленники убеждены, что, кроме этих направлений, возникших в XIII столетии, больше нет и быть не может. Выбирать должно между ними. Однако есть еще и другое решение, и это решение—Маркса, который, как известно, жестоко высмеивает схоластическое учение о роде в своем сочинении «Святое семейство» и дает блестящий марксистский анализ вопроса. Вместо того, чтобы итти дальше по намеченному Марксом единственно реальному, научному пути, «школа» Деборина упорно защищает теорию Дунса Скота и проделывает головокружительный скат от Маркса к схоластике реалистов. Т. Деборину хотелось отделаться от этого тяжелого обвинения той призрачной аргументацией, что ведь, мол, в этом же грехе обвинил Струве Маркса, который яко бы «тоже» понял стоимость, прибавочную стоимость и т. д., по мнению черносотенца Струве, по-схоластически-реалистически. Аргумент этот весьма легковесный, ибо Струве ухитрился не принимать к сведению, что эти категории Маркса—исторические категории, меняющиеся каждый раз по меняющимся

общественным отношениям, отражениями которых они являются, а вовсе не творческие силы, порождающие самые общественные отношения, как это получается по концепции Деборина.

Мы указываем только самые важные выводы, сделанные т. Дебориным и его сторонниками, по поводу которых идет борьба между группой товарищей, защищающих ортодоксальную точку зрения марксизма, и школой Деборина. Из сказанного очевидно, что эта школа представляет собой уже сложившийся, стройно оформленный тип нового ревизионизма марксизма, тем более опасный, что он свое отступление от марксистской позиции, по правильному выражению Л. И. Аксельрод, прикрывает громкой ортодоксальной фразой. Путь «эволюции» школы Деборина ясен,—она от материалистической диалектики Маркса перешла к идеалистической диалектике Гегеля, но в последнее время она скатилась к недиалектическому идеализму Дунса Скота.

9. Диалектика Маркса смешивается с диалектикой Гегеля Тождество объекта и понятия

Однако упомянутые восемь вопросов вовсе не исчерпывают всей их системы. Мы еще не говорили о том, что они ревизовали дальше самое определение философии (см. Милонов: Механический материализм. «Вестник Комакадемии», №№ 17, 19) и определение законов природы; у них отпала теория абстракции марксизма и была заменена теорией средневековых реалистов; подверглось ревизии отношение формальной и диалектической логики, выработанное Энгельсом и Плехановым, подверглось коренной ревизии наше отношение к Гегелю. Их отношение к Гегелю можно формулировать так: вместо того, чтобы сказать, что у Гегеля верно то, что соответствует методу Маркса, школа Деборина принимает у Маркса то, что совместимо с Гегелем. Во всех остальных пунктах прав «Гегель. Вид, как реальная совокупность разновидностей, — поучает тов. Деборин,—есть, конечно (даже конечно!) реальный факт, конкретное понятие» (подчеркнуто нами).

Дальше. «Непосредственная действительность не соответствует своему понятию, она недостаточна, конечно (опять конечно), и поэтому она должна уничтожиться» . («Под знаменем

марксизма». № 1/2, 1926 г., стр. 68 и 81). Дальше их ревизии подверглась сама материя. Она для них—понятие (см. статью Скурера в «Вестнике Комакадемии», № 20);[1] оформился ими новый взгляд на отношение метода к теории (философия марксизма, в частности исторический материализм, есть лишь метод, а не теория), реабилитировалась значительная часть философских воззрений Маха, что находит свое выражение, например, в фаворизации ими махизма и махистов (см. статью Г. Ми и предисловие Г. к ней в «Под знам. маркс.»).

10. Протяженность не характерна для материи

Один из учеников тов. Деборина — тов. Милонов идет по этому же пути, утверждая, что «диалектический материализм... отнюдь не видит своей задачи в том, чтобы упереться в характеристику материи как протяженности... Надо абсолютно не понимать этого (он еще ссылается на Ленина), чтобы везде и всюду совать протяженность и непроницаемость» («Вестник Комакадемии», № 18, стр. 169).

11. Исторический метод природы существует только в биологии

Вопреки Энгельсу, математика и механика считаются «школой» науками недиалектическими. «Школа» дальше признает роль развития в области природы только в биологии. Именно историзм отличает, по их мнению, биологию от физики и химии. Им невдомек, что и геология и космология являются историческими науками, и что, вообще, как об этом писали Маркс и Энгельс («О Фейербахе»), все законы природы суть законы истории природы, в том числе и природы неорганической.

12. Асмус отрицает, что бытие определяет сознание

Наконец, отрицается, что бытие определяет сознание, ибо, по уверению Асмуса, не идеологии, и не формы мышления,

[1] «Материя реальна,—пишет Скурер,—но, как таковая, она есть только понятие. Материя есть абстрактно-конкретное понятие». (Наши горе-диалектики думают: чем больше они противоречат принципу противоречия, тем «диалектичнее» будет их мышление. Дальше. «Она (материя) есть совокупность всех отношений и связей (оказывается, что и отношение, и связь, и даже их совокупности, согласно Скуреру, тоже понятия), но не существует, как самостоятельное существо. Именно этой диалектической в своем существе проблемы не смог полностью решить Спиноза» (Скурер. Спиноза и диалектический материализм. «Вестник Комакадемии» № 20, стр. 73).

а только наши теории о них обусловливаются общественным бытием людей (см. его статью. «Под знам. марксизма», № 1, 1927 г., стр. 171). «Законы сочетания и связи идей, — пишет здесь Асмус, — не имеют ничего общего с внешними обстоятельствами, т.-е. производственным процессом».

Тот же Асмус уничтожает генетическое объяснение, т.-е. причинное объяснение, под нелепым предлогом, что оно приводит к механическому материализму, и на этом «основании» критикует теорию Энгельса о роли труда в возникновении языка, называя развитую Энгельсом теорию вульгарным натурализмом и механическим материализмом («Вестн. Комакадемии», № 23, стр. 255 и сл. Рецензия на книгу проф. Шпета). Если прибавить ко всему этому еще восхищение Скурера богом «без лиц в трех лицах божества» («Вестник Комакадемии», № 20, стр. 74), то становится совсем ясным, в какую сторону гнет философия Деборина.

Как видит читатель, пунктов ревизии довольно много. Если собрать и систематизировать хотя бы самое существенное, то получится стройное антимарксистское мировоззрение. Читатель, может быть, спросит: а почему сам тов. Деборин и его школа не систематизировали своих взглядов, раз у них почти во всех вопросах философии имеется сложившаяся, особая, противоречащая марксизму точка зрения? Ответить на этот вопрос трудно. Но факт, что они не хотят или не могут систематизировать своих взгядов.

Но причина не важна, факт остается фактом. Новая ревизионистская философия стоит законченно перед нами, ликвидация марксизма со стороны т. Деборина и его сторонников почти закончена. Скоро это станет ясно каждому. Они не хотят или не в состоянии систематизировать своих ревизионистских взглядов. Вот почему мы вынуждены были взяться за эту задачу.

СОДЕРЖАНИЕ